

КОСТЁР

декабрь

1956

ВОЛХОВСКОЙ ГЭС
XXX
ЛЕТ

ВОСТЁР

ДЕКАБРЬ ★ 1956

Ежемесячный детский журнал

Ц К В Л К С М И С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОСНА

Н. Полякова

Я доживу до той поры,
Копя свою смолу,
Когда ударят топоры
По гулкому стволу.
А что потом? А что потом?
Чем буду я тогда?
Высокой мачтой иль столбом,
Несущим провода?
Я в сердцевине сберегу
И повторю опять
Родного леса мерный гул,
Коль на ветру стоять.
Листом тетради прошумлю
Под детской рукой,

Лишь потому, что не люблю
И на корню покой.
И если на бревне в избе
Увидишь сок густой —
Пусть не покажется тебе
Моя смола слезой.
Моя смола желта, как медь,
Прозрачна, как стекло.
А если суждено сгореть —
Я людям дам тепло.
И если скажет кто-нибудь:
Вот, умерла сосна...
Знай, я успела отряхнуть
На землю семена.

Государственное Издательство
Детской литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1956

ИСТОРИЯ С КОЛОДЦЕМ

Г. Холопов

Рисунки В. Чижкова

Это произошло в мою первую поездку в пионерлагерь, летом 1925 года, недалеко от города Баку, где я тогда жил и учился.

Наш лагерь расположился в небольшой гранатовой рощице, на берегу Каспийского моря. Он сильно отличался от современных лагерей. Мы все делали своими руками: сами готовили обеды, сами стирали свои майки и трусы, сами носили воду и дрова, сами убрали наши палатки.

Для отдыха у нас все же оставалась большая часть дня, и если мы не уходили в какие-нибудь дальние походы, то проводили время на берегу моря. Песок здесь был чистый, мелкий, золотистый. Мы затевали шумные игры и купались в зеленых упругих волнах Каспия.

По вечерам, когда черная ночь спускалась над лагерем, и степь начинала звенеть от цикад, мы разжигали посреди рощицы большой искрящийся костёр и, усевшись вокруг, пели песни. Пели мы долго, охотно и наши песни разносились далеко-далеко... Потом закапывали в золу картошку и пели заключительную песню: «Здравствуй, милая картошка».

Потом ложились спать.

Одно омрачало наш отдых — вблизи от лагеря не было пресной воды. За водой мы ходили к колодцу, чуть не за километр. Здесь останавливались и караваны верблюдов, и пастухи поили стада овец, и крестьяне из соседней деревни приходили за водой для полива своих бахчей. Кулаки — а их было тогда немало среди крестьян — с неприязнью смотрели на нас и часто не разрешали брать воду. А однажды, чтобы отвратить нас от колодца, они бросили в него дох-

лую кошку. Конечно, пить из этого колодца мы не стали.

Как же нам быть без воды, при страшной бакинской жаре? На совете отряда шли долгие споры. Одни говорили, что надо своими силами попытаться вырыть новый колодец, другие предлагали покинуть гранатовую рощицу и искать новые места, третьи — послать кого-нибудь в город к нашим пионерским руководителям за помощью.

И в город двинулись делегаты нашего отряда.

Весь день мы с надеждой смотрели на дорогу... Уже звезды замерцали на небе, но из города никто не возвращался в лагерь! Никто не вез воды! В тот вечер мы не зажгли костра и, умирая от жажды, рано легли спать.

А утром... утром весь лагерь был поднят на ноги криками:

— К нам идет машина! Машина!

Мы выскочили из палаток и, протирая глаза, уставились на дорогу: да, по ней в облаке пыли шла машина. Но к нам ли она шла? Мы напряженно следили за ней. Вот машина поравнялась с колодцем и повернула в сторону нашего лагеря! Тогда, точно по команде, все бросились ей навстречу.

В стареньком «фордике» рядом с шофером сидел человек в белом кителе, в белой фуражке. Мы сразу узнали Сергея Мироновича!.. Киров был в те годы секретарем Центрального Комитета коммунистической партии Azerbaijan. Его знал весь город и, разумеется, мы, пионеры. Кирова часто видели на нефтяных промыслах, на фабриках и заводах, в школах и пионеротрядах.

И все же мы были очень удивлены приездом к нам Кирова в такой ранний час. Неужели он приехал из-за колодца? Еще больше удивились мы, когда увидели, что машина полна дынями — желтыми ароматными скороспелками. Неужели это нам?

«Фордик» остановился. Сергей Миронович вышел, поздоровался с нами, потом спросил:

— Ну, как отдыхаете, ребята?

— Да вот до вчерашнего дня у нас все шло хорошо, — начал было рассказывать вожатый.

— А теперь — плохо? — живо подхватил Сергей Миронович. — Знаю, знаю!.. Слышал краешком уха... Потому и решил по пути на промысел заехать к вам, узнать, как вы живете, в чем нуждаетесь. Историю с колодцем уладим, это дело поправимое. Главное — не падать духом и не унывать. А это вам к завтраку, ребята. Вместо чая! — и Киров показал на дыни. — Карапет, помоги пионерам разгрузить машину, — сказал он шоферу, чернявому парню.

Вместе с вожатым и звеньевыми Киров направился к лагерю, а мы принялись раз-

гружать машину. Каждый брал по две дыни и осторожно относил их в хозяйственную палатку. Командовал Карапет. Мы его слушались. Он был героем в наших глазах. Ему завидовали все бакинские мальчишки. Еще бы! Карапету только шестнадцать лет, а он уже работал шофером. Да еще у самого Кирова!..

Мы быстро разгрузили машину и побежали в лагерь, к Кирову.

Сергей Миронович заходил в палатки, интересовался распорядком дня, спрашивал, как мы питаемся, в чем нуждаемся. Дважды он вынимал из кармана записную книжку и что-то торопливо заносил в нее.

Потом мы вместе с Кировым завтракали и очень хвалили дыни. А Сергей Миронович рассказывал нам о своем детстве, совсем не похожем на наше. Он рано остался сиротой и воспитывался в приюте...

— Отдыхайте хорошенько, ребята. Набирайтесь сил, чтобы хорошо учиться, — сказал Сергей Миронович, вставая. — Если случится что-нибудь чрезвычайное, приходите прямо ко мне в ЦК...

В это время на дороге в облаке пыли показалась грузовая машина. Она повернула в сторону нашего лагеря и остановилась рядом с легковым автомобилем. Из кузова на землю выпрыгнули рабочие в брезентовых куртках.

— Что это вы так сильно отстали? — спросил Киров, подойдя к шоферу грузовика.

— Да вот шина спустила, — смущенно ответил шофер, — пришлось долго повозиться...

— Солнце уже высоко, — строго сказал Киров, — ведь скоро ребята захотят пить...

— Не беспокойтесь, Сергей Миронович, мы наверстаем время, — сказал старший из рабочих, видимо, прораб. — Мигом выроем пионерам хороший колодец.

— Посмотрим!.. На обратном пути с промысла заеду попить водицы из нового колодца. Ну, ни пуха, ни пера!.. — Киров сел в машину, и Карапет рывком взял с места.

Мы долго смотрели вслед «фордику».

Рабочие, сбросив свои брезентовые куртки и засучив рукава, сняли с кузова грузовика ломы, лопаты, части разобранного сруба и принялись рыть новый колодец около нашего лагеря. Мы все им помогали. К полудню на дне колодца показалась вода. Сначала мутная, и мы всю ее вычерпали. Потом колодец стал наполняться чистой водой.

Рабочие собрали сруб и установили его в колодце, приделали к срубу крышку, к крышке — петли и кольца, повесили замок, и прораб торжественно вручил ключ нашему вожатому.

Рабочие распрощались и уехали в город, а мы все не отходили от колодца, все черпали воду ведром и пили, пили...

В тот вечер мы снова зажгли костер, и снова далеко по степи разносились наши песни.

Уже перед самым отбоем вернулись из города наши делегаты, Усталые, запыленные, они тащили тяжелую ношу. Присев к костру, унылыми голосами они стали рассказывать.

— Нам посоветовали достать кошку из колодца, вычерпать воду, потом продезинфицировать колодец. Завтра для изучения всего этого дела в лагерь придут две комиссии — от наших шефов и из отдела по пионерской работе. Ну, а чтобы больше не

повторилось такого случая с колодцем, нам посоветовали поставить у колодца постоянный пионерский пост.

— И ночью? — раздался со всех сторон голоса.

— И ночью. Для этого мы принесли из города оружие.

Делегаты встали и подтащили к костру два тяжелых тюка. Там оказались притупившиеся пашки и клинки времен гражданской войны, проржавелые кинжалы и тесаки.

При виде этого оружия у костра раздался дружный хохот.

— Эх вы, горе-делегаты! — сказал вожатый и повел их к новому колодцу.

И долго потом в этот вечер мы сидели у костра. Никто не хотел идти спать. Сидели и гадали: придет ли товарищ Киров?

Уже поздно вечером вожатый сказал:

— Вот что, товарищи. Вы сейчас идите спать, а когда придет Киров, я вас разбужу.

Все разошлись по палаткам. У костра остались вожатый и дежурные по лагерю. Дежурным в этот вечер посчастливилось быть и мне.

Сергей Миронович приехал только в первом часу ночи. Машину свою он оставил далеко от нашей рощицы. Лагерь уже спал крепким сном. Вожатый принес фонарь «летучая мышь». Вслед за Кировым, осторожно ступая по песку и переговариваясь шепотом, мы направились к нашему новому колодцу. Вожатый посветил, и Сергей Миронович остался очень доволен колодцем. Он сам черпнул ведро и с удовольствием выпил кружку.

— Хорошая вода, — сказал он. — Просто — чудесная вода!..

Мы тоже выпили по кружке воды, хотя и не испытывали особой жажды.

Киров пожелал нам спокойной ночи и ушел в степь. Некоторое время мы еще различали в темноте его белый китель, но вскоре он растаял в ночном мраке. Потом мы услышали далекий шум автомобильного мотора и увидели вспыхнувшие в ночи яркие фары.

Киров уехал в город. Возможно, что среди больших партийных и государственных дел он вскоре забыл про эту историю с колодцем. Но мы, пионеры, запомнили ее на всю жизнь. Запомнили мы на всю жизнь и Сергея Мироновича Кирова.

Было это под Петроградом, вернее, под столичным городом Санкт-Петербургом. Называли его попросту Питер. Жили мы на даче в деревне Глазово, около Павловска.

По вечерам повелось в нашей мальчишеской компании, не помню уже, с чьей легкой руки, рассказывать друг другу о прочитан-

танных книг истощается, иссякает, а новых нет и не предвидится. Между тем, в этом тесном кругу мальчиков я своими рассказами производил сильное впечатление и уступать свое первенство мне не хотелось.

Моим соперником был Пашка Тырданов, и мы с ним состязались в искусстве рас-

ных книгах. Условие такое: чтобы прочитанная книга была захватывающего содержания. В этом устном клубе, на старых бревнах дачных задворок были рассказаны книги всех властителей дум того времени: романы Жюль Верна, Жаколю, Буссенара, Лори, Пембертона, Джека Лондона, Густава Эмара, Фенимора Купера, Сальгари. Мальчики были начитаны; иные брали книги в библиотеках, иные получали журналы «Вокруг света» или «Природа и люди».

Каждый, кто рассказывал, хотел поразить воображение других, чтобы мороз по коже шел, чтобы все завидовали, что он читал такую потрясающую книгу, которой они не знали. И я принимал участие в этих рассказах, но скоро заметил, что запас прочи-

сказывать. Но теперь наступал кризис. Если Пашка придет на очередной вечер с новым рассказом, мне нечем будет блеснуть. Что делать? Я лег под дерево у так называемой Пиль-башни в парке и погрузился в долгое раздумье. Чем силен хотя бы Жюль Верн? Я не имел понятия о том, как он писал свои романы, и стал анализировать их, разбирать, чтобы постичь механизм сложного романа приключений. И я пришел к таким выводам. Выбирается страна, по возможности далекая, неизвестная. Выясняется климат этой страны и записывается, какие явления природы там характерны. Допустим, там часты песчаные бури или тайфуны, или вьюги, если это север. Допустим, там бывают сильные наводнения или

извержения вулканов. Какие там звери? Есть ли там хищники: тигры, львы, пантеры? Есть ли там ядовитые гады и какие? Какие там растения? Может быть — ядовитые для человека, может быть — исполинские или карликовые. Теперь надо найти сюжет. Лучше всего какая-нибудь тайна или научное открытие.

Значит, герои едут из одной страны в другую, и тут надо вспомнить, кто там живет. Хорошо, если попадутся людоеды или воинственные великаны, или хитрые карлики.

Теперь действие пойдет, как по маслу. Найдено письмо с таинственным шифром. По-видимому, где-то зарыт клад. Его разыскивают. Приключения следуют одно за другим. То климат доставляет неприятности, то дикари угрожают, то страшные звери нападают, то еще что-нибудь, вроде вулкана или бури. Очень хорошо. Механизм заработал.

Я явился на вечернюю беседу, имея в голове готовый роман для рассказывания. Излагал его долго, так как придумывал на ходу всякие новые приключения. Я затмил Пашку Тырданова, рассказавшего очень сбивчиво и бестолково роман Хаггарда «Она». То ли Пашка был не в духе, то ли мой успех смутил его, но его рассказ в подметки не годился моему рассказу. Все кричали, чтобы я назвал автора. Я сказал: это американский писатель капитан Смит.

— Никогда не слыхал такого, — мрачно заметил Пашка, — где ты достал эту книгу?

— Я читал ее давно, в детстве, — небрежно ответил я, — даже картинки помню.

С этого вечера мое право первенства не оспаривалось, но теперь я работал непрерывно, так как сочинял все новые и новые романы, со множеством приключений в разных странах. Правда, я не писал свои романы, а ограничивался тем, что составлял план, конспект, записывал краткое изложение, набрасывал некоторые сцены. Эти записи походили на то, что сегодня называют сценарием.

В то время я увлекался военной историей, и мне ничего не стоило брать оттуда темы, а мое воображение развивало и дополняло их. Я заболел рассказоманиями. И заразил этим моих слушателей. Капитан Смит с его романами сменился уже целым рядом вымышленных авторов. Уже были рассказаны романы, где действие происходило и в Австралии, и в Азии, и в Тибете, и в Африке, где я взял сюжет из времени восстания Араби-паши и Махди в Египте. Я уже освободил Константинополь от турок, изгнал европейцев из Китая, голландцев из

Суматры и Явы, англичан из Индии. Я не лез в карман за подробностями. Моя голова гудела от них.

Скрепя сердце, Пашка Тырданов уступил мне первое место. Никакими романами из «Мира приключений» он не мог перещеголять мою необузданную фантазию. Никто из ребят не допускал мысли, что здесь обман. Они прыгали от восторга, и только мои авторы вводили их в смущение. Расспрашивали меня, разузнавали у знакомых и родителей, но никто, кроме меня, не знал этих неведомых писателей. Правда, я иногда приписывал мои романы известным авторам, но эти книги, понятно, тоже никто не читал.

Я перешел на исторические сюжеты и сказал, что вспомнил один очень длинный, в пять частей, роман, который называется «Звездный плащ или трагедия Кверетаро». Речь шла о судьбе мексиканского императора Максимилиана, расстрелянного по приказу народного вождя восставших мексиканцев — Бенито Хуареса. Ну, кто, кроме меня, зачитывавшегося книгами о войнах, мог знать эту старую историю, полную самых трагических подробностей?

Моя память перерабатывала огромный материал, мне трудно было действовать без предварительных набросков. Я записывал на листках отдельные главы, приключения героев, исторические события.

Я с упоением рассказывал этот роман. Пашка Тырданов пожирал меня глазами, и в них я угадывал какой-то подвох. Пашка уже не спрашивал, кто автор, только аккуратно приходил слушать. Я вошел в роль, и мне не хотелось кончать приключения моих героев, тем более, что мальчишки просили рассказывать без сокращений. А я и сам не знал, чем кончу. Один раз мне пришлось в голову сказать, что конец книжки оторван, но взглянув на лица слушателей, понял, что мне этого не простят. Я старательно придумывал конец. Пашка хмурился день ото дня все больше. И конец моим рассказам наступил неожиданно.

Когда я продекламировал очередную часть, Пашка усмехнулся и спросил:

— Можно три вопроса?

— Давай хоть четыре, хоть шесть, — сказал я.

— Первый вопрос: кто автор? — спросил Пашка, — ребята, смотрите на него внимательно...

Он хотел смутить меня этим вопросом, но я был готов к нему.

— Я уже говорил, что первой страницы в этом романе не было. А переплет был ра-

зорван и вторая страница тоже — на цыгарки кто-то свернул. Что пристаешь? Глупо! Откуда я тебе имя возьму?

— Так, — сказал Пашка голосом судьи, и мне это не понравилось. — Второй вопрос: покажи книжку, ты говорил, что она у твоего дяди была...

— И про это я уже говорил, а ты не слушал. Ее украл кто-то, ремонт был у нас в квартире.

— Так, — сказал совсем мрачно Пашка, — третий вопрос: когда конец твоему рассказу, твоей чепухе?

— Это не чепуха. Так бы чепуху не слушали, и ты не завидовал бы мне...

— Конец будет сегодня, — закричал Пашка, вскакивая на бревно и размахивая руками.

— Сегодня конца не будет, — сказал я.

— Нет, конец будет сегодня, сейчас! — заорал Пашка. — Я нарочно спрашивал для проверки: никакого автора нет, никакой книжки нет и не было. Он все время нас обманывал. Он сам всё сочинил.

Пашка прыгал на бревнах, трясая над головой какими-то бумажками. Я пригляделся и схватился за карман. Карман был пуст. Пашка потрясал моими записками, моими

черновиками. Мальчишки хватали эти бумажки и, смеясь, читали мои перечеркнутые строки, мои варианты последних глав. Я забыл эти листки на скамейке перед Пильбашней. Пашка проследил меня и утащил эти листки из-под моего носа. Я был разоблачен.

— Он нарушил обещание, он нес всякий вздор вместо того, чтобы честно рассказывать прочитанные книги. Изгоним его из нашего клуба, — орал Пашка, и многие присоединились к нему.

Я кричал тоже:

— Все равно от этого потеряли вы, а не я. Вы так и не узнаете, какой будет конец!

Они не слушали меня, свистали и кричали, что я обманщик, что я сочинитель. Они кричали об этом с такой обидной насмешкой, что я понял: они изгонят меня из этого клуба рассказчиков.

— Хорошо, — крикнул я, стараясь перекричать мальчишек, — я ухожу. Оставляйтесь со своим Пашкой.

С этими словами я навсегда покинул вечерний клуб рассказчиков на бревнах дачных задворков в деревне Глазово, около Павловска.

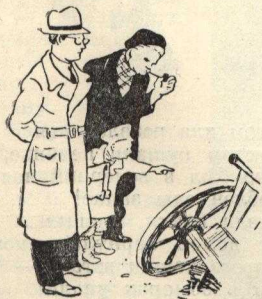
Стихи эстонских поэтов

Ральф Парве

Звонок. Заботы с плеч долой.
Подмышкой книжки, мчит

стрелой

Домой из школы Михкель.
Спешит скорей, скорей прийти.
Пусть мама скажет: — Михкель
Секунды не терял в пути!
Ну, как его не похвалить?
Сынок не хочет маму злить,
Хороший мальчик Михкель!

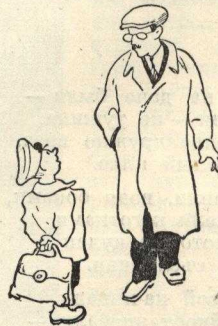
МИХКЕЛЬ МОЙ СПЕШИТ ДОМОЙ

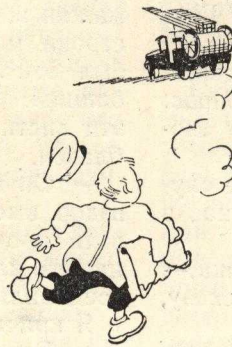
Еще бы! Он уж тем хорош,
Что друг порядка строгий:
Спешит домой — и не собьешь
Ничем его с дороги.
Но вот сегодня, как на грех,
В дороге тысячи помех.

Рисунки Н. Зверева

Скакнула чья-то лошадь вбок,
В канаву шлепнулся возок.
Здесь торопись — не торопись,
Нельзя не задержаться:
Без Михкеля не обойтись!
А он — и рад стараться:
В толпе протиснулся вперед
И всем советы подает.

Но двое взрослых подошли:
— Не суетись, курносый! —
Повозку быстро помогли
Поставить на колеса.
А Михкелю минуток пять, —
Вы не волнуйтесь, мама, —
Понадобилось постоять
Возле окна «Динамо».
Не спрашивайте, почему,
И с Михкелем не спорьте.
Вполне возможно, что ему
Все интересно в спорте.
А тут кричат: — Пожар, пожар! —
Звонит машина яро.

Бегут вдогонку мал и стар
На зрелище пожара,
И Михкель, кепку потеряв,
Летит по улице стремглав.
Но пыль клубами взвилась.
И — нет машины, скрылась...
А он зашел в какой-то двор,
Завел с прохожим разговор,
Решил минутку поболтать...
Но тут часы пробили пять,
И он помчался, как стрела,
Домой, домой... Ну, и дела!

Перевел К. Высоковский.

БРЮКИ

Феликс Котта

Мальчонка горд. И есть причина:
Он брюки длинные надел.
Хвалился: «Я теперь — мужчина!»
И важно на ребят глядел.
«Кто носит детские штанишки,
Тот не товарищ для меня:
Ведь нет у этого мальчишки
Ни медной пряжки, ни ремня!»
В карманы важно сунул руки
И высоко задрал свой нос...
Отец сказал: «Снимай-ка брюки,
До них еще ты не дорос!..»

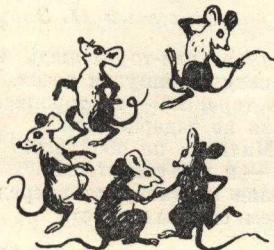

Иные только тем важны,
Что носят длинные штаны.

Перевел Б. Тимофеев.

КОШКИ И МЫШИ

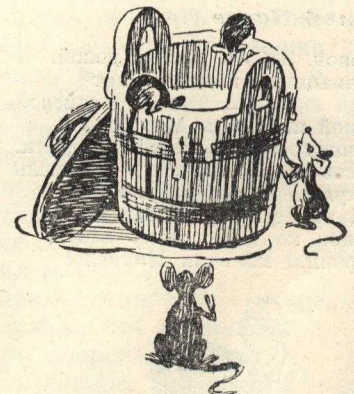
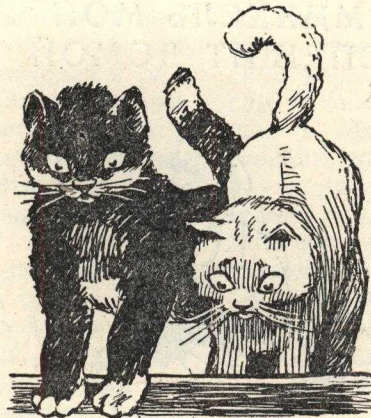
Хелье Мянд

Все коты на даче были —
Мыши жили — не тужили.
В воскресенье дружно враз,
Завели веселый пляс.

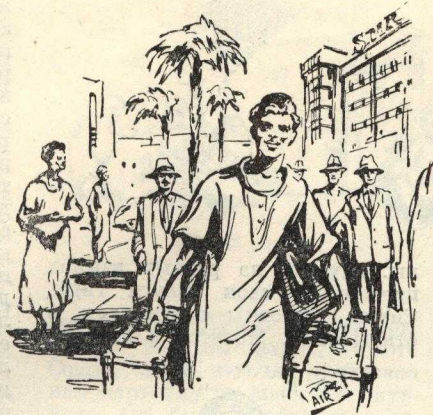
В пляску шли, вода боками,
В пол стучали коготками,
Заползли потом в чулан
И сметаны съели чан.

Туфли ваксой начищали,
Польку бойко танцевали, —
Так вознею увлеклись,
Что хвосты у них сплелись!

А потом для развлечения
С хрустом кушали печенье, —
Быстро был в вечерний час
Истреблен еды запас!
Опустели бочки, плоски...
Вдруг домой вернулись кошки.
На пороге кошки встали —
Мыши в обморок упали!

Перевел Б. Кежун.

ПО ЕГИПТУ

Член-корреспондент Академии Наук Армянской ССР Б. Б. Пиотровский

Делегация советских археологов и этнографов в мае 1956 года направилась в Египет. Мы ехали по приглашению египетских ученых изучать памятники древности, которыми так богата эта страна, где еще пять тысяч лет назад возникло могущественное государство.

Из Москвы мы вылетели в два часа ночи. Пообедали в столице Югославии — Белграде. Вечером сделали небольшую остановку в греческой столице — Афинах, а еще через несколько часов, уже в темноте, приземлились на Каирском аэродроме. Путь наш занял одни сутки, а не так ещё давно на дорогу из России в Египет тратили больше недели.

У подъезда гостиницы наш спутник, работник советского посольства в Египте, ткнул куда-то рукой в темноту и сказал: «Вот здесь Нил, налево около огней — Музей египетских древностей, направо, через мост, наше посольство. Спокойной ночи».

У себя в номере я подошел к открытому окну. Над ночным Каиром нависало темное, расцветное яркими звездами небо. На земле же, сколько я ни всматривался, ничего не было видно, ни Нила, ни музея, ни моста — стояла темнота южной ночи.

Проснулся я рано и, конечно, сразу же снова подошел к окну. Передо мной нес свои мутные воды широкий Нил, по нему скользили фелюги — лодки с высоким парусом. Через реку перекинулся мост, на берегах среди зелени высились многоэтажные дома, над ними поднимались минареты мечетей, а далеко на горизонте виднелись силуэты пирамид. В этот ранний утренний час на набережной было еще мало машин, шли пешеходы в длинных светлых халатах, медленно шагала верблюд с поклажей.

Каир — столица Египта — большой и шумный город. В его центре сохранились старинные узкие улицы. Они так узки, что движение по ним разрешено только в одну сторону. Здесь ма-

газины, театры, гостиницы, конторы торговых фирм, туристские агентства. Среди пестрой толпы людей, одетых в восточные и европейские костюмы, снуют чистильщики сапог; гиды упорно предлагают сейчас же, сию же минуту, поехать к пирамидам.

Первую экскурсию мы совершили в Музей египетских древностей. Здесь собрано так много сокровищ древней культуры, что все они не могут поместиться даже в огромном здании музея. Много монументальных памятников: статуи, сфинксы, крупные камни с рельефами и надписями — стоят во дворе. Во дворе же можно посидеть возле зарослей папируса и лотоса.

В первом этаже музея находятся хорошо знакомые по репродукциям памятники египетского искусства. Вот величественная статуя фараона Хефрена, изящная, изваянная из белого алебастрового камня фигура царицы Аменардис. Трудно поверить, что статуи Рахотепа и Неферт созданы тысячи лет тому назад, так свежа их раскраска. Деревянная статуя, изображающая египетского вельможу Каапера с палкой в руке, сделана так искусно, что выкопавшие ее столетия назад феллахи воскликнули: «Ведь это же наш шейх,

наш деревенский староста!» Так это название и сохранилось за памятником.

Во втором этаже музея выставлены сокровища из гробницы фараона Тутанхамона. Здесь находится 1703 предмета, и каждый — произведение искусства. Два гроба фараона сделаны из золота. Рядом золотая маска мумии, украшенная разноцветными камнями. В витринах и больших стеклянных кубках множество разнообразных замечательных предметов: колесницы с золотым кузовом, золотые кровати, статуэтки, сосуды, перчатки фараона, его веер из страусовых перьев и много изящных драгоценных мелочей. Можно часами любоваться прекрасными изделиями древних мастеров.

На втором же этаже музея находится зал, куда пускают не всех, а лишь по особому разрешению. Там хранятся мумии фараонов — властителей древнего Египта. Многие мумии, особенно фараонов Сети I и Рамзеса II, прекрасно сохранились. Пострадавшие от времени мумии в музее не хранятся: их возвращают в гробницы, в «долину царей», около древних Фив.

Побывали мы и в каирском университете, где обучается

около тридцати тысяч студентов. Университет имеет отделения в других городах страны. Встречались мы и со студентами и с преподавателями. Нас удивило, что среди студентов очень мало девушек, их принимают только на факультеты общественных наук и медицинский.

Наконец мы отправились к пирамидам. Днем там всегда оживленно. Подходят и уходят автобусы, такси и другие маши-

ны. Шумно, на разных языках предлагают свои услуги гиды. Снуют торговцы сувенирами и открытками. Мечутся в поисках

заработка фотографа. Стоят быстро украшенные верблюды.

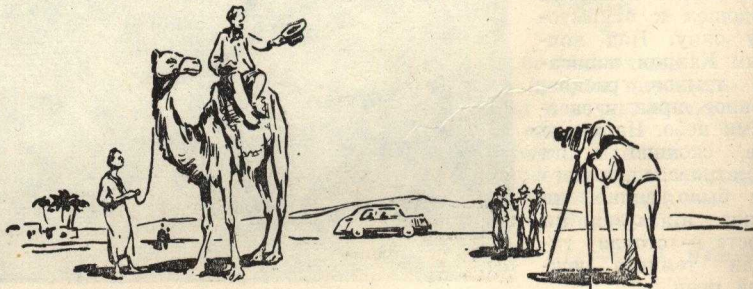
Вот длинноногий «корабль пустыни» опускается на колени перед туристом, тот карабкается наверх и усаживается между горбами животного. Конечно, нелегко взбираться на такую махину, да и там не особенно уверено чувствуешь себя. Но зато какая фотография: верхом на верблюде на фоне пирамид!

В шумной толпе нам стоило немало усилий разыскать

встречавшего нас шейха Мохаммеда. С его помощью мы отбили атаку гидов, фотографов, торговцев и стали осматривать пирамиды. Они производят незабываемое впечатление, подавляют своими колоссальными размерами. Ученые вычислили, что на постройку величайшей 147-метровой пирамиды Хеопса ушло два миллиона триста тысяч отесанных каменных глыб, а вес каждой — две с половиной тонны. Стоишь перед такой громадиной и не веришь, что это сделано человеческими руками, да еще пять тысяч лет назад, когда люди не знали теперешних умных и мощных машин. Здесь, около пирамид, по-настоящему начинаешь понимать арабскую поговорку: «Все боится времени, но время боится пирамид».

Еще с детства я помню на снимках рядом с пирамидой сфинкса. А мы увидели только пирамиды, без сфинкса. Наше недоумение вызвало улыбку у шейха Мохаммеда. Он повел нас в ложбинку, и там-то сначала показалась голова сфинкса, а затем и вся его громадная фигура, высеченная из скалы. Из ложбины прекрасно видны сфинкс и пирамиды. Незаметно подкрались сумерки, — пришлось возвращаться в город.

Из Каира мы поездом направились на юг страны — в Верхний Египет. Первую остановку сделали в Луксоре — городе, расположенном на месте, где находилась древняя столица Египта — Фивы. Здесь мы осмотрели знаменитый луксорский храм. К нему ведет аллея сфинксов. Именно из Фив вывезены два сфинкса, установленные в 1832 году в Петербурге, на берегу Невы, напротив здания Академии художеств. Перед входом в храм высятся громадные башни, украшенные рельефами, изображающими подвиги фараонов. В залах самого храма изумляет множество огромных ко-

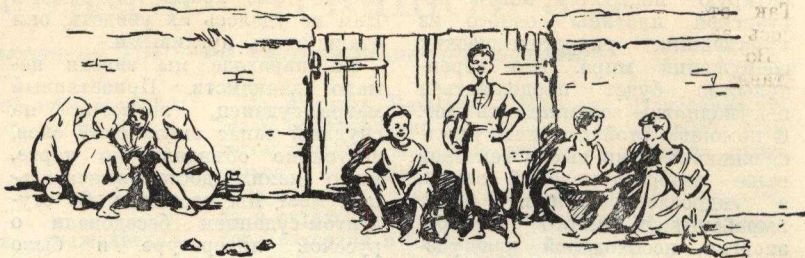
лонн, также покрытых релье-
фами и иероглифическими пад-
писями. Яркая раскраска этих
колонн, сделанная тысячи лет
назад, хорошо сохранилась до
наших дней.

Египтяне любят и ценят свои
древности. В храмах произво-
дятся большие работы: разби-
раются и снова складываются
башни, колоннады, восстанавли-
ваются монументальные скульп-
туры. Все это делается без ме-
ханизмов, вручную. По деревян-
ным помостам рабочие спускают
и поднимают колоссальные ка-
менные блоки. В Луксоре мы
присутствовали при раскопках
у знаменитых «колоссов Мем-
нона» на левом берегу Нила.
При нас рабочие извлекли из
земли статую фараона Аменхо-
тепа III, сидящего рядом с ца-
рицей.

Около Луксора мы увидели
новый Египет. Чтобы освоить
пустыню (а в Египте пустыня
занимает 97% площади всей
страны), правительство направ-
ляет людей в пустынные земли
строить удобные поселки, про-
водить сложные работы по оро-
шению.

Всего за год до нашего при-
езда из страны ушли последние
иноземные порабителли. Еги-
петский народ начал строить
свои фабрики и заводы, школы,
больницы.

Мы посетили одну новую де-
ревенскую школу. Она работает
в две смены. На земле, под
тенью ограды школы сидели
мальчики и девочки, ожидая на-
чала занятий второй смены.
У каждого в руках была книж-
ка, тетрадь и кувшинчик с во-
дой. В жаркие дни школа не мо-
жет запастись на всех ребят дра-
гоценную питьевую воду. Мы
прошли в класс, где занималась
первая смена. Ученики радостно
приветствовали нас и постара-
лись блеснуть своими успехами:
мастера рисования показали
свое искусство на доске мелом,
«математики» похвалились бы-
стрым счетом, а все вместе хо-

ром спели песню о матери.
Узнав, что мы из Советского
Союза, одна девочка показала
нам картинку из арабского жур-
нала, где были изображены со-
ветские пионеры.

Мы осмотрели еще небольшую
больницу, ремесленные мастер-
ские. При нас старый гончар
искусно вылепил изящный ку-
вшин с ручкой; молодые ковро-
делы прилежно ткали ковер со
сложным рисунком. И везде мы
наблюдали, с каким энтузиаз-
мом трудятся молодые египтяне,
чтобы сделать свою страну бо-
гаче.

Из Луксора поезд повез нас
дальше на юг, к первым поро-
гам Нила, в город Ассуан. В
этот чистый и тихий город мы
приехали днем в страшную тро-
пическую жа-
ру. Когда стем-
нело и стало
немного про-
хладнее, мы со-
вершили про-
гулку по Нилу.
Нас сопровож-
дал старшина
местных ло-
дочников Мо-
хаммед Таха.
Фелюгу вели
два подростка.
Наши спутни-
ки с воодуше-
влением рас-
сказывали, ка-
ким будет но-
вый Египет и
проявляли свои

симпатии к нам — людям из да-
лекой дружеской страны. Егип-
тяне делились с нами и своими
надеждами. Мальчики, которых
нужда заставила бросить школу,
мечтали снова попасть туда. Хо-
тел учиться и Мохаммед Таха.
«Как только откроют вечернюю
школу, — говорил он, — я непре-
менно туда поступлю».

На следующее утро мы осмо-
трели старую Ассуанскую пло-
тину, построенную еще пятьде-
сят с лишним лет назад. Это
большое сооружение, перегоро-
дившее Нил, дает возможность
оросить много земли. Но новому
Египту этой плотины уже недо-
статочно. Здесь бывает и так:
пройдет год, а то и два, когда с
палящего неба не упадет ни
капли. Поэтому египтяне про-

ектируют постройку новой Ассуанской плотины — одного из крупнейших гидротехнических сооружений мира. Его строительство будет продолжаться шестнадцать — восемнадцать лет. С помощью этой плотины удастся оживить сотни тысяч гектаров ныне необрабатываемой земли, а гидроэлектростанция будет вырабатывать много электроэнергии, необходимой для развития народного хозяйства страны. Новая плотина будет строиться за Ассуаном, вверх по Нилу.

На пароходе «Альзахра» мы направились вверх по реке. Проплыли мимо затопленного при постройке старой плотины островка Филе, где находятся замечательные древние храмы. Теперь же на том месте из воды поднимаются лишь верхушки двух башен. Пересекая тропик Рака, наблюдали удивительную картину: утром солнце почти по вертикали быстро выкатывалось из-за гор, а вечером темнота наступала мгновенно. Непривычно было видеть на темном звездном небе и месяц, обращенный рожками вверх, совсем как на картинке в сборнике занимательных задач.

А где же нильские крокодилы, о которых так много написано в старых книгах о Египте? Они исчезли и пошли, как там шутили говорят, «на дамские сумочки и туфли». Три последних нильских крокодила живут в

озерке близ храма Абу-Симбел. Нам не удалось их увидеть, они стали очень пугливыми.

На пароходе мы завели немало знакомств. Приветливый матрос-суданец, несмотря на скудный запас английских слов, постоянно объяснял по карте, мимо каких достопримечательных мест мы проходим. Со студентом-суданцем беседовали о русской литературе, и было

очень приятно убедиться, что в Египте и Судане многие читают в переводах произведения Толстого, Достоевского, Чехова, Горького.

Мы провели экскурсию к храму Абу-Симбел. Здесь — знаменитый большой пещерный храм фараона Рамзеса II и меньший по размерам храм царицы Нофертире. Храм фараона высечен

прямо в скале. Стены его зал украшены замечательными рельефами, они изображают боевые сцены войны египтян против хеттов в 1312 году до нашей эры: здесь и фараон на боевой колеснице, и военные лагеря, и поимка хеттских лазутчиков, и разгром хеттов, и триумфальное возвращение Рамзеса II после победы.

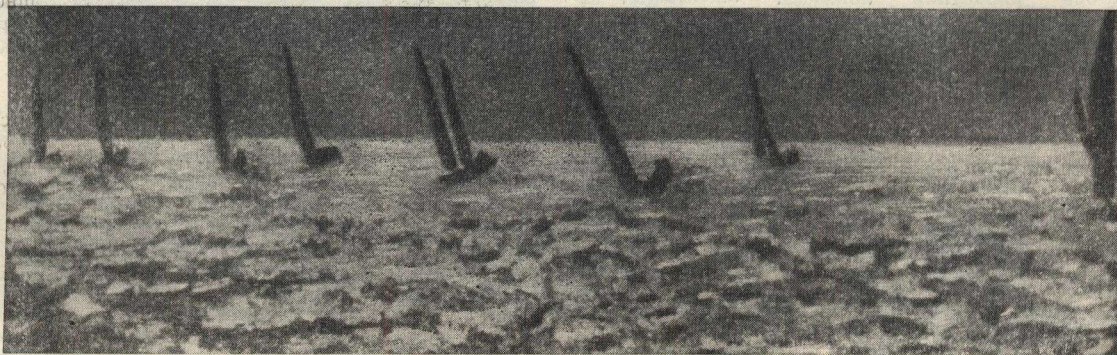
У входа в храм высечены четыре колоссальные статуи, изображающие сидящего фараона. Этот замечательный памятник находится на территории, которую после сооружения новой Ассуанской плотины покроют воды Нила. Храм же будет обнесен защитной стеной, а для спуска внутрь храма с вершины скалы будет сооружен лифт.

Из Абу-Симбела мы направились к конечному пункту нашей поездки — суданскому городу Вади-Хальфа, где нас радушно встретили суданцы. Мы осмотрели город, побывали у вторых нильских

порогов и прокатились по настоящей песчаной пустыне, которая подходит здесь к самому городу.

Мы надолго запомним не только изумительные памятники древности, которыми так богата эта страна, но и трудолюбивый египетский народ, строящий новую жизнь на своей освобожденной от колонизаторов земле.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Может быть, яхты? Но море, кажется, замерзло, неужели они брошены среди ледяных торосов?

ВОЛХОВСКОЙ ГЭС — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

(Фотография Волховской ГЭС — на второй странице обложки)

1918 год... Вы, ребята, знаете об этом времени лишь по рассказам старших, из книг, да по песне:

...По военной дороге
Шел в огне и тревоге
Боевой восемнадцатый год...

Трудное это было время! В стране — гражданская война, разруха, голод. Начиналась интервенция — иностранные государства стремились задуть молодую Советскую республику.

В ту пору Владимир Ильич Ленин как председатель Совета Народных Комиссаров был занят многими важными, неотложными делами. И все же Владимир Ильич думал о будущем нашей страны, подготавливал это будущее. Он размышлял о том, как Россию, технически отсталую страну, превратить в страну передовой техники. С чего начать перестройку техники? Что важнее, нужнее всего для решения этой великой задачи? Ведь мало построить фабрики и заводы. Нужна еще энергия, которая приведет в движение станки, поезда, молотилки, книгопечатные машины. Нужна электрическая энергия. Много энергии. Значит, переустройство страны надо начинать с постройки электростанций.

И вот, 13 июля 1918 года, по предложению В. И. Ленина Совет Народных Комиссаров принял решение о строительстве первой гидроэлектростанции на реке Волхове, недалеко от Петрограда.

Небольшие электростанции были и в дореволюционном Петрограде. Работали они на привозном английском угле. Это топливо обходилось слишком дорого, а во время интервенции и его не стало.

Передовые русские инженеры, еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции понимали, что русской промышленности нужны мощные электрические станции.

Инженеры предлагали свои проекты крупных электростанций, действующих от водопадов на реках. Но проекты неизменно отклонялись. Почему? Да потому, что дешевая электрическая энергия от таких станций была невыгодна поставщикам иностранного угля, владельцам пароходов, перевозивших уголь из-за моря, владельцам газовых компаний и другим дельцам.

Построить электростанцию на быстрой порожистой реке Волхове стало возможно только при Советской власти. И ее стали строить по проекту инженера Графтио, в ту пору, когда враги теснили со всех сторон молодую советскую страну. На стройку отпраздничали тысячи рабочих Петрограда.

Но не хватало материалов, средств. А в 1921 году многие стали сомневаться — нужно ли тратить силы и средства на стройку, когда страна испытывает лишения, когда нет хлеба, топлива? В те дни главный инженер Волховстроя Графтио написал Владимиру Ильичу письмо о затруднениях, которые мешают закончить постройку. Ленин сразу же принял меры и отстоял Волховстрой. Строительство первой гидроэлектростанции необходимо было завершить!

Из Москвы, Бахмача, Чернигова, Павлодара повезли оборудование на лошадях, волах, верблюдах, автомашинах — железные дороги не успевали справляться с перевозками.

На советских заводах изготовили четыре генератора и остальное оборудование, другие четыре генератора заказали в Швеции.

Наступил знаменательный день 19 декабря 1926 года. В этот день на высоких берегах седого Волхова впервые вспыхнули яркие огни первой силовой установки, как тогда называли Волховскую гидроэлектростанцию имени Ленина.

Электрический ток по проводам устремился в Ленинград, на фабрики, заводы, в дома. Волховская ГЭС дала много дешевой энергии Ленинграду, она дала свет окрестным деревням, и там впервые вспыхнули ярким светом «лампочки Ильича».

Электрический свет чудесным образом изменил жизнь деревни: продлил день, осветил клубы, избы, читальни, школы и залы кино-театров. Электричество принесло в деревню не только свет, но и облегчение труда, и знание.

Завершение строительства Волховской ГЭС нередко сравнивают со штурмом Перекопа. Эта замечательная битва Красной Армии происходила на узком перекопском перешейке, ведущем в Крым. Здесь в 1920 году советские бойцы штурмом опрокинули армию Врангеля и изгнали ее из пределов страны.

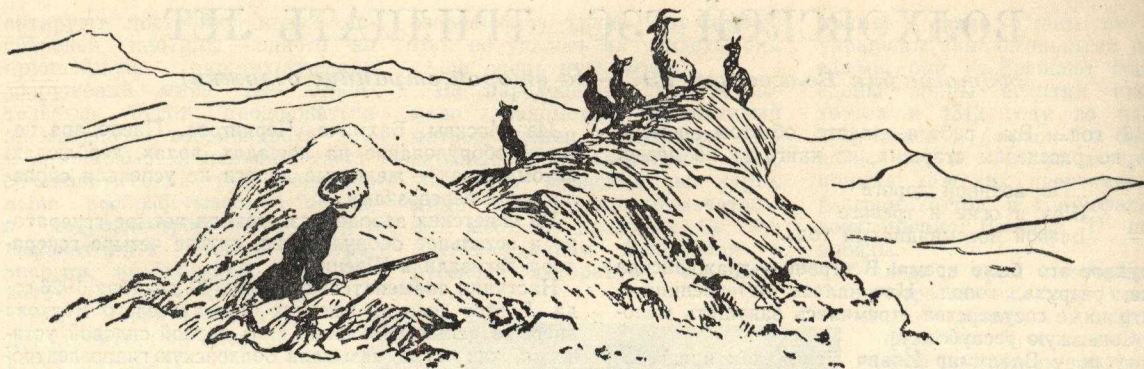
Создание Волховской ГЭС — это тоже штурм, но штурм технических высот.

Волховскую электростанцию называют первенцем советской электрификации. Она — первая ГЭС в ряду других, построенных по великому плану государственной электрификации России (ГОЭЛРО), разработанному в 1920 году по указанию Ленина. Волховстрой дал строителям необходимый опыт, заводам и фабрикам — умение изготавливать оборудование, выковал кадры умелых специалистов.

В начале Великой Отечественной войны оборудование Волховской ГЭС было вывезено. Только две турбины давали ток для Волховского фронта. Но когда опасность, угрожавшая Ленинграду, миновала, Волховская ГЭС стала работать на полную мощность. Она и сейчас снабжает Ленинград электроэнергией, сберегая ежегодно свыше 200 000 тонн топлива. Поезд, груженный этим топливом, растянулся бы на сто километров.

С тех пор в нашей стране построено и строится много электростанций, гораздо большей мощности. Например, Куйбышевская станция будет почти в тридцать раз более мощной, а Красноярская, которую начали строить, — почти в шестьдесят раз.

Но Волховская ГЭС, первенец электрификации, всегда останется дорога сердцу каждого советского человека, как первый шаг в электрификации страны, как первый шаг на пути к коммунизму, ибо, как сказал В. И. Ленин, «коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

АЛУШ-КРЫЛАТАЯ НОГА

Кияс Меджидов

Рисунки Л. Подляской

Рассеялись утренние сумерки.

Обильно напитанная росой трава на альпийском лугу стлалась вокруг серовато-зеленым бархатом. Хотя небо было чисто и вершины с вечными ледниками уже розовели от утренней зари, в долине, далеко внизу, неподвижно висели густые белые облака.

Из домика, который прилепился к отвесной скале, хромая, вышел старый чабан Курдул. Прижмурившись, он огляделся кругом. Поблизости ни одной живой души. А злобный пес Пеленг, по-русски Тигр, поднял уши и уставился на тропу, ведущую из скал. Но не зарычал, а поджав хвост и оглядываясь, ушел обратно в домик.

Чабан взглянул на тропу и удивился: к домику шагало какое-то очень высокое существо, без лица, с черной шапкой на голове.

«И кому это взбрело в голову разыгрывать такую злую шутку?»

Высокая, тощая фигура приблизилась, вдруг переломилась надвое, и из-под плаща выбрался смуглолицый паренек с двумя палками в руках.

— Салам алейкум! Доброе утро, дядя Курдул!

— Алейкум салам!

Курдул пристально глядел в улыбающиеся карие глаза паренька.

— Кто же ты, такой отчаянный? — спросил он.

— Алуш! Сын чабана Сардара. Окончил школу, и вот — к вам в гости!

— Сын Сардара, говоришь? — Курдул жестом пригласил Алуша к себе в жилище. — Садись, — он указал пареньку на узорчатый

войлок. — Был у меня до войны сердечный друг Сардар. Умел он и голодного орла прикончить чабанским посохом и сухим остаться в сильный ливень. Как мать поживает, братья, сестры?

Но Алуш не успел ответить: Пеленг выскочил из шалаша, с лаем понесся навстречу всаднику и вдруг замолчал, помахивая пушистым хвостом, закрутился у ног лошади.

— Здравствуй, Курдул! — крикнул всадник, приближаясь. Это был старший чабан Фазаил. — К тебе идет сын Сардара, паренек грамотный, захотел чабаном быть. Я торопился, — надо Пеленга запереть, как бы он не порвал твоего нового помощника.

— Ну, спасибо за новость. Только Алуш раньше тебя пришел. И как! Даже Пеленг со страху хвост поджал. Алуш, выходи!

Паренек показался на пороге.

— Вах! Да как же ты моего коня обогнал? — спросил Фазаил.

— Звериной тропой, напрямик.

— Значит, не зря тебя зовут в селе Алуш-Крылатая нога! И собаку напугал?

— Я надел на палку шапку, плащ и поднял их над головой. Помню, отец про такое рассказывал.

— Ну, молодец! Хорошая сноровка всегда пригодится. Вот тебе, Курдул, и опора. Думаю, на Алуша жаловаться не придется. В добрый час, друзья, а я — поехал.

И Фазаил направил коня по тропе в долину, все еще затянутую облаками.

Вроде бы и не сложна чабанская наука: ходи себе за стадом, паси скот, сытно корми его, оберегай от волков, орлов и других хищников.

Старый Курдул так и считал, что дело у него простое, понятное. А новичку — не легко, и все ему в диковинку: то грозит горный обвал, то бушует грозный ливень, то слепит глаза снежный буран.

В свободные часы Курдул много рассказывал Алушу про чабанское житье-бытье и все вспоминал Сардара: очень ему хотелось, чтобы из помощника вышел такой же отличный чабан.

— Вон там отец твой живыми ловил диких коз, — указал как-то Курдул на груды гранитных скал.

— Живыми? — удивился Алуш.

— Да. Мы работали с ним у одного богача — Гаджи Урзума. Обуви не давал. Неделями оставлял без еды. Жадный, как волк. Раздобыли шкуру старого козла. Отец твой подубил ее и сшил одежду. Наденет ее, бывало, и ходит на четвереньках с отарой возле тех скал. Диких коз вокруг много, и они часто подходили к нашему стаду. Отец подкрадется к козе и — цап за ногу. Я подбегу, помогу, — вот мы и с мясом!..

Старый чабан еще что-то хотел сказать, но Алуш схватился за ружье.

— Что там, сынок? — спросил Курдул.

— Хромого ягненка орел унес! — крикнул Алуш и помчался с ружьем к скале, за ним бросился Пеленг.

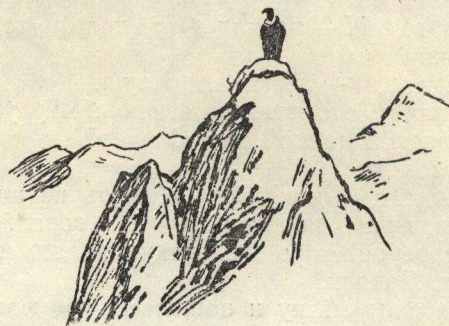
Орел вцепился когтями в ягненка, неподвижно распростертого на камнях.

Алуш выстрелил. Могучая птица взмахнула крыльями, выпустила добычу и улетела.

— Ну, погоди! Я с тобой рассчитаюсь! — погрозил кулаком Алуш орлу и полез на скалу за ягненком.

Прошло несколько дней.

Как-то утром Алуш охотился на уларов — больших сизых индеек — и забрался высоко

в горы, под самые снега. Острые утесы, узкие черные пропасти и зеленеющие альпийские луга лежали далеко внизу. Почти весь Дагестан был виден отсюда.

Но внимание Алуша привлекла лишь одна неглубокая впадина, где каркали черные вороны и клекотали орлы. Птицы терзали тушу большого тура.

Алуш заметил и орла, который недавно пытался похитить хромого ягненка. У него было сломано перо на правом крыле, и там отчетливо виднелось узкое окошечко.

Алуш прибежал в кошару, сшил себе маску из кусков старого войлока, затем взял чабанскую палку, брезентовый плащ, насыпал в сумку немного соли и вернулся к турье туше.

Острым ножом он отодрал шкуру на боку и густо посыпал мясо солью. А сам отошел в сторону и спрятался под скалой.

Орлы и вороны опустили на тушу и стали жадно рвать подсолненное мясо. А наевшись, отлетели к ручью, и начали пить воду.

— Пора! — сказал себе Алуш и направился к орлам, по пути надевая маску, плащ и рукавицы.

Орлы не взлетели: они шли, как стадо баранов, отяжелевшие от мяса и воды, отравленные солью.

Алуш догнал птиц и принялся колотить их палкой.

— Нате! Получайте! Вкусно? — барабанил он по упругим крыльям и все приглядывался: где же тот орел с окошечком в крыле?

— Вот он, вор! Вот он, разбойник! — выкрикнул Алуш, увидев своего врага.

Орел подпрыгивал, выбрасывая огромные черные когти. Он прятал голову и яростно отбивался крыльями. Ударом крыла сбил Алуша с ног, вцепился ему в плащ и злыми глазами искал, куда бы нанести удар клювом.

Алуш изловчился и вонзил нож в грудь птицы. Орел дрогнул всем телом и повалился набок.

— Ге-ге-гей! — раздался с холма голос Курдула.

— Я здесь! — отозвался Алуш.

— Значит, отомстил за ягненка? Проучил их чабанской палкой, как Сардар?

— Отомстил!

— Хватит, сынок! Всех убивать не надо. Без орлов нам, чабанам, скучно в горах. Да и санитары они хорошие, всякую падаль подбирают. Пойдем!

Алуш снял маску и пошел с Курдулом к отаре.

День за днем ходил Алуш за стадом. То выше по кособору, где луга еще не тронуты, то ниже, где тоже попадались хорошие участки.

Курдул часто хворал, — болели ноги, и у Алуша было много работы. Но выпадали такие дни, когда удавалось отдохнуть, поохотиться.

Однажды он подбирался к стаду туров, которое отдыхало среди скал, но вожак заметил паренька, грозно топнул ногой, свистнул и поскакал вверх. Все стадо устремилось за ним. Куча щебня, стронутая туром, полетела вниз. Падающие камни увлекли за собой целую грудку горных обломков. С грозным шумом понеслись уже большие камни. Над головой молодого чабана грохотал горный обвал.

Курдул выбежал из домика и схватился за сердце: так глупо пропал мальчишка.

— Алуш! Алуш! — закричал старик.

— Ге-ге-гей! — отозвался помощник, поднимаясь с земли и отряхивая одежду. — Я здесь! — голос его заметно дрожал.

— Здело? — допытывался Курдул. — Идти-то можешь, или к тебе подняться?

— Могу! Могу! — и Алуш стал спускаться. — Земля-то как гудела, дядя Курдул! Порохом пахло. Фу! Жарко! — он расстегнул ворот.

— Ну и ну! — покачал головой старик, ощупывая Алуша. — Невредим? Просто чудо! Значит, жить тебе да жить!

— Я уже был под обвалом в прошлом году, когда на экскурсию ходил. Нас учили не бежать, а прятаться под уступом. Вот я так и сделал.

— Чабану такая наука всегда пригодится. А то, ведь, ни за грош можно пропасть...

Прошла осень. Миновала и зима. Курдулу и Алушу не легко было сохранить стадо, но ни одна овца у них не пала.

Пришла, наконец, весна — зеленая, в цветах, с улыбкой, как говорят лезгины. За-

грохотал первый гром, загудело могучее эхо по ущельям.

Ливень захватил Алуша на лугу, а добежать до скалы, где можно было укрыться, он не успел. И вдруг ему вспомнились слова Курдула, что хороший чабан и под дождем умеет остаться сухим. «Но как это сделать?»

Шумел, приближаясь, ливень. Медлить было нельзя.

— Попробую! — догадка осенила Алуша. Он быстро сбросил одежду, подобрал под себя, улегся на нее животом. И сразу же по голой спине забарабанили частые, крупные капли дождя.

Вымокла отара, заблестели плащи на чабанах, повисли капли на всех былинках и цветах. Но Алуш пришел к домику совсем сухой.

— Да где же ты спрятался от ливня? — удивился Курдул.

Алуш рассказал.

— Ну, Алуш-джан, прошел ты все испытания. И по горным тропам летаешь, как Крылатая нога. И орлов чабанской палкой проучил. И сухим в ливень остался. Как бы обрадовался Сардар!..

Вечером в кошару приехал старший чабан Фазаил.

С лаем бросился навстречу ему Пеленг, но радостно заскулил, когда увидел бригадира.

Курдул сообщил, что дела в отаре отличные: овцы хорошо перезимовали, из приплода ни один ягненок не пал.

— И еще новость! — улыбнулся старый чабан. — Кончились испытания моего юного друга, — ему теперь любую отару можно доверить!

— Слыхал, слыхал! — сказал Фазаил. — Алуш — грамотный, культурный чабан! Хвала и честь! Но ему самому пора уже помощника взять, обучить всем чабанским премудростям.

Алуш улыбнулся и покраснел: польстило доверие опытных чабанов.

— А в правлении скажи, Фазаил, что мы сохранили от гибели больше десятка овец. — И Курдул бросил к ногам бригадира три волчьих шкуры.

— Вах! Кто убил?!

— Одного взял на мушку я, двух — Алуш. Волки теперь далеко обходят нашу кошару.

Ярко светит костёр на альпийском лугу.

У шалаша вкусно пахнет жареным мясом: чабаны варят жирный душистый плов.

ЕЛКА

Лев Горин

Ёлка...

Вчера на пионерском сборе вожатая прочитала, как на Большой земле школьники готовятся к новогоднему празднику: сами поедут в лес выбирать ёлку, сами привезут и украсят.

Кто-то спросил, будет ли у нас в школе ёлка. И вожатая сказала, что обязательно, — ее уже начали делать.

Зинка вдруг засмеялась:

— Ёлки не делают, — они растут в лесу!

— Глупая ты, — сказал Славка. — Самый ближний лес от нашей бухты, может, за пятьсот километров, а, может, и еще дальше. Это на Большой земле везде ёлки растут. А у нас их делают. Сначала столбцы из толстой доски выстругают ствол, потом в нем дырки провертят и проволоку вставят. Старшеклассники из толстой бумаги вырежут зигзаги, как зубья у большой-большой пилы. Их прикрепят к проволокам и покрасят масляной краской. Понятно?

Зинка сморщила нос, поджала губы:

— Фу-у-у! Не интересно! Нисколько не интересно. Около такой ёлки нельзя даже песню петь. — И запищала противным голосом: — В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла... А у вас она вовсе и не росла! Вот у нас, в Ревде, в школе ёлка была! Высоченная, пушистая! Наверное, на ней миллион иголочек был, а то и больше.

Ребята совсем растерялись и посмотрели на Славку — его слушались. Ведь он первый родился в бухте Радостной. После уж и другие стали рождаться, а некоторые просто приехали сюда с родителями, вот как Зинка.

Славка сразу же сообразил, как отвязаться от нее:

— Мы и не будем петь про ёлочку, это детсадовская песня!

Он подмигнул ребятам:

— Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.

И все подхватили припев да так дружно, что даже Зинка не выдержала, самая вредная и заносчивая девчонка во всем классе.

Когда сбор уже кончился и ребята выходили на улицу, Зинка всё-таки опять пропищала:

— А у нас в Ревде ёлку шефы за тридцать километров привезли. А что у вас в бухте! Она вовсе не радостная бухта, здесь даже ёлка — из проволоки, не настоящая. Скучно...

Но никто уже Зинку не слушал. На ули-

Рисунки В. Юсипенко

це было холодно, темно, и ребята побежали по домам. Стоял декабрь, а в ноябре, декабре и январе солнце совсем не показывается, потому что бухта Радостная далеко на севере, у самого Ледовитого океана, где бывают полярные ночи и наоборот — полярные дни, когда солнце вовсе не заходит почти три месяца подряд.

Славка пришел домой и бросился к карте: где Ревда? Оказалось, что эта Ревда — совсем маленькая точка. Даже на большой папиной карте еле отыскивали ее. И потом, ни где около Ревды не видно было ни реки, ни озера. Славка же признавал только те города, где есть море.

Отец плавал по Северному морскому пути, и Славка давно решил стать тоже полярным моряком.

Когда он увидал, что около Ревды моря нет, — совсем успокоился, съел суп и целую котлету из оленины, а консервированных персиков почти всю банку, — ведь это самая вкусная вещь на свете!

Утром Славка, как пришел в класс, тотчас громогласно объявил, что Ревда совсем маленькая, моря около нее нет, а потому и хвастать Зинке нечем.

И еще он сочинил песню, правда, короткую, зато все ребята ее сразу выучили.

— Радостная бухта,
У моря мы живем.
Никаким Ревдам
Не уступим нипочем!

Зинка тоже хотела сочинить песню про свою Ревду, пыжилась, пыжилась, но у нее, понятно, не вышло. Она разозлилась и стала приставать к Славке на всех переменах и даже на уроке.

Анна Ивановна читала про Мичурина. Как он новые сорта яблок и груш выводил. И только Анна Ивановна начала рассказывать, Зинка повернулась и шепчет:

— А в вашей Радостной нет яблок!

Учительница показывает грушу из воска, а Зинка свое твердит:

— А у вас и груш нет!

Славка терпел, терпел и... стукнул ее. Анна Ивановна рассердилась, велела выйти из класса.

Может, верно, он здорово ударил Зинку? Мама всегда говорит, что у него тяжелая рука.

И вот Славка стоит в коридоре, разглядывает свои валенки. Конечно, теперь ничего

хорошего не жди. Могут в дневник записать, отца вызвать. А тогда пропали каникулы. Отец не возьмет его на большой корабль, который зимует в бухте. И не увидит Славка ни корабельной кочегарки, ни рулевой машины.

До конца урока еще целых десять минут. Славка вздохнул, взобрался на подоконник, открыл форточку и высунул голову наружу.

Со второго этажа хорошо были видны огни кораблей, зимующих в бухте. Славка быстро отыскал среди них огоньки парохода, на котором плавает отец. Потом нашел яркие окна судоремонтных мастерских. Около них вдруг вспыхнули белые звезды электросварки.

Над головой послышался сильный гул. Славка вывернул шею и увидел самолет. Вдали на аэродроме горели две цепочки огней — самолету показывали, куда садиться.

— И как это ей не интересно у нас в бухте? — думал Славка. — Корабли, самолеты, электросварка!

Недавно он прочитал в местной газете, что сумерки в полярную ночь сиреневые. Правда, Славка никогда не видел живой сирени. Но уж, конечно, в Ревде сиреневых сумерек не бывает. И самолетов тоже, наверное, — одни паровозы. На них можно ехать быстро, но уж не так быстро, как на самолете. На самолете и до леса всего-то несколько часов лететь. И до Москвы недолго. Только два раза позавтракать, два раза пообедать да один раз поужинать.

Тут зазвенел звонок, и Славка быстро прыгнул с подоконника.

Сначала из класса выбежали ребята. Они все сочувствовали Славке. Потом вышла Анна Ивановна и велела ему идти с нею в учительскую.

Скучный пришел Славка домой. Пусто. Папа и мама на работе. Суп есть не стал, второе тоже почти не ел, сидел и вилкой царапал дно тарелки.

За окном опять загудел самолет. Славка послушал шум мотора и вдруг схватил тетрадь по арифметике, вырвал из середины двойной листок и сел писать письмо, стараясь делать поменьше ошибок.

Потом взял из папиного стола конверт, вложил в него письмо и написал адрес: «Москва, улица Степана Разина, 9. Главному Северному Начальнику». Еще немного подумал, — перед словом «Главному» приписал «Самому». Промокнув надпись на конверте, провел кончиком языка по желтой полоске клея и немного посидел на письме, чтобы конверт лучше заклеился.

Через несколько минут Славка уже шагал по дороге в аэропорт, размахивая руками в теплых собачьих рукавицах.

Назад он вернулся поздно вечером, и мать его отругала за такие долгие прогулки. Но Славка не обиделся, — если бы мама знала, зачем он ходил в аэропорт!

Засыпая, Славка видел перед собой летчика в желтых кожаных штанах, желтой кожаной куртке и большой самолет. На носу самолета был нарисован белый медведь.

Через четыре дня перед большой переменкой Анна Ивановна, улыбаясь, дала Славке листок, на котором было напечатано: «Бухта Радостная, средняя школа, ученику четвертого «А» класса товарищу Гаркушенко Славе тчк. Согласен вами решение правильное тчк Ваша просьба будет выполнена тчк Жму вашу руку» и стояла фамилия самого главного северного начальника.

Славка прочитал радиogramму, посмотрел на синий кораблик, который был напечатан в верхнем углу бланка. Щеки и уши у него стали вдруг горячие-горячие и ярко-красные.

Только тут Славка заметил, что все ребята смотрят на него. Все молчали, и было слышно, как шуршит сухой снег, ударяясь о стекла.

После кто-то сказал:

— А пуржища-то, ребята, да?!

И тогда все зашумели, засмеялись, окружили Славку. Но он все равно ничего им не рассказал, только улыбался.

— У-у, воображает! — сказала Зинка. — Всё равно в вашей Радостной ничего хорошего нет и не будет. Одни консервы, даже елки проволочные.

Славкины кулаки сами сжались.

— Ну, ударь, ударь, — закричала Зинка и даже придвинулась к Славке.

Но, к счастью, переменка кончилась.

Пурга все мела и мела. Утром родители приводили ребят в школу, а после уроков старшеклассники и учителя провожали младших до самых домов. И ни один самолет не мог прилететь в бухту Радостную из-за непогоды. Совсем расстроился Славка. Но к вечеру 29 декабря стало тихо, а 30 декабря со второго урока Славку вызвали из класса.

— Одевайся скорее! — сказали ему.

Ноги у Славки стали тяжелые, а в груди заколотилось.

Грузовик сердито урчал и шел совсем медленно, колеса вязли в сугробах. Зато когда выехали на лед бухты — ого! Тут машина помчалась. Только держись!

Славка увидел ее сразу. Вылез из кабины и, не выдержав, побежал. Она лежала под крылом самолета, вокруг стояли люди, смотрели на нее и что-то говорили.

Славка споткнулся, не удержался на гладком льду и упал, уткнувшись лицом прямо в острые густые иголки.

Ёлка, настоящая ёлка, лежала перед ним, и от нее пахло бензином. Еще бы — она пролетела на самолете тысячи километров!

Потом они поехали в кузове грузовика — Славка и ёлка.

Первый раз в жизни сидел Славка Гаркушенко рядом с настоящим лесным деревом. Сняв рукавицу, он гладил аккуратно подвязанные веревками к стволу ветви, и зеленые иголочки слегка покалывали руку.

Когда машина стала взбираться на крутой берег, небо внезапно просветлело, из края в край протянулась светло-зеленая полоса. Она дрожала, колыхалась, по ней бежали красные отблески, следом за красными — желтые, голубые и опять красные. И вдруг полоса изогнулась во всё небо, точно огромный вопросительный знак. Северное сияние играло над бухтой Радостной, словно удивлялось живой ёлке.

Первого января Славка вошел в школьный зал, остановился на пороге и заморгал: такая удивительная была ёлка в разных игрушках, так весело поблескивали в темно-зеленых ветвях маленькие электрические лампочки. А по всему залу и даже по всей школе плыл гу-

стой вкусный запах. Точь-в-точь как из маминой бутылки с надписью «хвойный экстракт». Нет, не точь-в-точь, а какой-то живой-живой.

На коричневом мохнатом стволе видны были желтовато-прозрачные капельки смолы, будто кто-то взял и помазал елку медом.

Ребята ходили вокруг и не могли насмотреться. Пионервожатая Тамара отломилла веточку, оторвала несколько еловых иголок и жжала их зубами. Славка тоже попробовал. От иголок во рту стало кисло и горько, но — хорошо!

Кто-то дернул Славку за рукав. Он обернулся и увидел Зинку. В косичке у нее болтался громадный бант.

— А там, в Ревде, ёлка была хуже. У нас, в Радостной, лучше, правда же? — спросила Зинка, протягивая Славке мандарин из пакета с новогодним подарком.

Славка вынул изо рта иголки и сказал:

— Ты не огорчайся. Может, скоро около Ревды тоже построят море, как на Дону и на Волге, — и, удивляясь своему великодушию, предложил:

— Если хочешь, давай споем «В лесу родилась ёлочка»?

А Зинка запела:

— Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем...

У нее оказался вовсе не писклявый голос, а громкий и звонкий, почти такой же, как у вожатой Тамары.

Все ребята дружно подхватили припев и получилось очень здорово.

КАК ПРОДЛИТЬ ЖИЗНЬ ЕЛКИ

В новогодние праздники у каждого в комнате стоит красивая нарядная елка. Но вот беда, — через несколько дней ее иголки начинают осыпаться.

Можно ли продлить жизнь елки и видеть на ветках свежие побеги? Можно. Елка будет дольше оставаться свежей, если установить ее не на крестовине, а в ведре с влажным песком.

На елке появятся зеленые побеги, если поместить ее в ведро с водой, где на каждые 3 литра воды растворено 5 граммов лимонной кислоты, 6 граммов пектина (можно купить в аптеке) и 16 граммов мела (в порошке, но не зубного порошка). Только в воду нужно ставить елку сразу же, как ее принесут с мороза и обязательно сделать свежий срез ствола.

В. Багатков.

КАК ДЕЛАЮТ ПОГОДУ

М. Данини

Задумывались ли вы над тем, как было бы хорошо, если бы люди научились не только предсказывать погоду, но и изменять ее?

Вот ведь бывает же так: надо, чтобы день был ясным, а тут — как зарядит дождь и льет, точно из ведра. Льет день, два, неделю...

Урожай нельзя убирать, строители нередко должны прекращать работу, а самолетам запрещено подниматься в воздух. Да мало ли еще бед приносит этот бесконечный дождь! Все его клянут, а он себе идет и идет. Так и кажется — забрался бы за облака и разогнал их!

А что вы думаете? Ведь сейчас так и поступают!

Признаться, до последнего времени я не верила, что погоду можно «делать». А вот нынешней осенью окончательно убедилась в этом.

Приехала я на аэродром во Внуково, что под Москвой. Каких только самолетов там не было! К одному из них меня подвели. С виду он, — как будто ничего особенного. А на самом деле — не самолет, а целая летающая лаборатория!

В кабине для пассажиров, возле каждого окна — замысловатые приборы. Лишь только забрезжит рассвет, самолет-лаборатория поднимается в воздух, и научные сотрудники, находящиеся на нем, ведут наблюдения за температурой и влажностью воздуха.

Предложили подняться на этом необыкновенном самолете и мне. Тут я и увидела, как «делают» погоду.

Стоял пасмурный осенний день. Быстро набрав высоту, мы вошли в повисшие над землей облака. Когда самолет оказался окруженным ими, словно густым слоем ваты, бортинженер выставил в окно прибор, похожий на револьвер. В тот же момент раздался звук, напоминающий выстрел. Он означал, что прибор сделал свое дело, взял «пробу» облаков.

«Проба» показала, что облака состоят из переохлажденных капелек.

Вы спросите: «Что это такое — переохлажденные капли?» Этот же вопрос задала и я. Вот что мне ответили.

На высоте пяти-шести тысяч метров над землей воздух часто бывает очень холодным — даже если стоит жаркое лето. Внизу

температура достигает двадцати пяти градусов тепла, а здесь — мороз, да еще какой — двадцать градусов!

При такой температуре на земле вода обязательно замерзнет. А тут капельки, из которых состоят облака, не замерзают иногда даже при сорока градусах мороза.

Вот такие-то облака, состоящие из незамерзших капелек, и называют переохлажденными.

Многие из вас, когда покупали мороженое, не раз, наверно, ви-

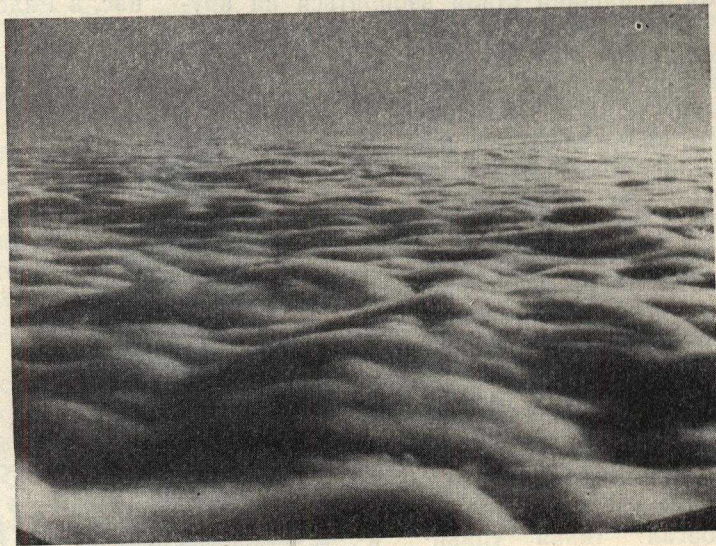
становиться рыхлыми. А спустя мгновение под крылом самолета можно было разглядеть солнце.

Но почему солнце внизу?

Я поднимаю голову и вижу, что в голубом небе ярко светит еще одно солнце.

«Ну уж это просто колдовство какое-то — два солнца! Одно внизу, под самолетом, другое — наверху, в безоблачном небе».

Но вот «нижнее» солнце начинает дрожать, искриться и разливаться длинной светящейся поло-

дели маленькие дымящиеся кусочки, похожие на сахар. Кусочки эти — сухой лед. Он не дает мороженому таять. Химики называют его твердой углекислотой. С помощью сухого льда метеорологи и «делают» погоду.

Как только «летающая лаборатория» поднимается выше облаков, сразу из специального прибора — «распылителя углекислоты» — начинают «сыпать» сухой лед вниз. Переохлажденные капельки тотчас же превращаются в снежинки, и на землю устремляются хлопья снега. Летом, в теплом воздухе, они превращаются в дождь.

Я смотрела на простиравшуюся внизу ярко освещенную облачную даль, и на моих глазах происходили настоящие чудеса.

Как только дымящиеся кусочки углекислоты достигали белоснежной поверхности облаков, последние тотчас начинали темнеть и

сой — так отражаются огни на гладком льду.

Теперь я понимаю, что внизу было не настоящее солнце, а только его отражение.

Это «ложное солнце», как его называют метеорологи, с земли очень редко можно увидеть. А вот здесь, после того, как облака посыпают углекислотой, ясно видно, как в замерзших кристалликах воды отражаются солнечные лучи.

Метеорологи даже говорят: «Раз в просветах облаков появилось «ложное солнце», — значит, сейчас пойдет снег».

И действительно. Из окна самолета видно, как облака, на которые попал сухой лед, вдруг как бы проваливаются вниз. Именно «проваливаются». Даже можно различить черту этого своеобразного «провала» — будто кто-то разрезал облако ножом и отрезанный ломоть постепенно оседает все ниже и ниже.

Потом появляется просвет. Далеко внизу мелькает кусочек леса, и солнечный блик освещает верхушки деревьев.

Итак, метеорологи «прорвали» тучу!

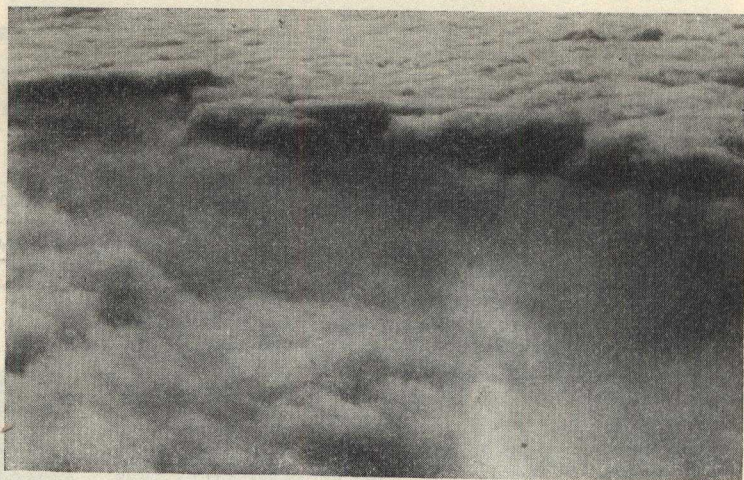
А распылитель продолжает сыпать углекислоту. Самолет делает все новые круги, и все больше и больше просветов оставляет за собой. Они ширятся и сливаются друг с другом. Теперь уже ясно видно внизу огромное поле, сжатые хлеба, чуть различимая сверху ниточка дороги и много-много домиков, — наверное, поселок, широко раскинувшийся под крылом самолета. И самое интересное: то тут, то там — белые полоски осевшего снега.

Самолет садится на аэродром, залитый ярким солнцем. Летали мы всего двадцать минут. Но за это время метеорологи очистили 950 квадратных километров неба! А углекислоты израсходовали всего шесть килограммов.

Однако вот беда: погода, которую научились «делать» метеорологи, может пока еще продержаться недолго — всего два-три часа. А потом ветер снова нагонит тучи, и все пойдет по-прежнему.

Поэтому погоду сейчас «делают» только где-нибудь за городом. Ведь на улицах и площадях снег доставит одни неприятности. А в поле от него даже польза, особенно поздней осенью, — он может предохранить посевы от заморозков на почве.

Летние облака, которые обычно висят низко над землей, еще не умеют «замораживать». Очень хорошо, что это научились делать осенью. Ведь именно в такое ненастное время года чаще всего

бывает нелетная погода. Огромные тучи высотой до шести тысяч метров закрывают небосвод со всех сторон, и тогда летчики просят метеорологов: «Осадите, пожалуйста, облака, сделайте летную погоду!»

И «самолеты-очистители» поднимаются в воздух.

Совсем немного прошло времени, как наши метеорологи научились изменять погоду, а уже почти на всех аэродромах можно увидеть «летающие лаборатории». Они «раскрывают» небо для того, чтобы в воздух могли подняться самолеты. Они «прогоняют» ненастье, когда нужно, чтобы над головой сияло солнце. Они постепенно становятся не только предсказателями, но и повелителями погоды.

Можно себе представить, что произойдет в совсем недалеком будущем... Мы в одном из совхо-

зов Казахстана. Кругом — необозримые поля хлебов. Небо закрыто облаками, но ни одной капли не падает на землю. Нужен дождь! Сильный дождь, чтобы как следует напоить землю влагой.

И вот — звонят по телефону метеорологам и заказывают: «Сделайте, пожалуйста, дождь да по сильнее!»

Заказ принят, и скоро над полями совхоза появляется несколько самолетов. Они что-то сбрасывают на облака, и вот уже те становятся все темнее и темнее, а через несколько минут начинается дождь.

Лишь только он кончился, как ветер пригнал с запада тучи. Они такие черные, что того и гляди выпадет град.

Из совхоза снова звонят метеорологам и просят не допустить выпадения града. Ведь он может уничтожить урожай.

Проходит совсем немного времени и вот уже с разных концов бескрайнего поля в небо взвиваются зеленые ракеты. Яркими светлячками вспыхивают они на темном небосводе, а потом исчезают, как будто растворившись в нем.

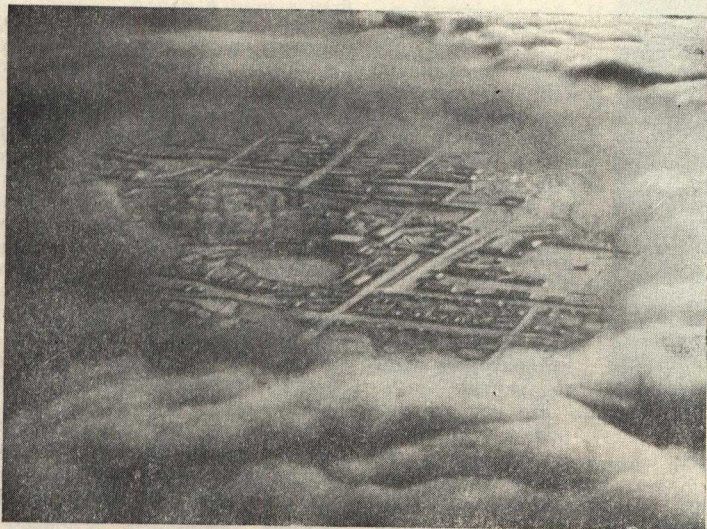
И что вы думаете? Град начинает падать над лесом, пока тучи еще не успели достигнуть поля.

Когда же они доберутся, наконец, до поля, из них выпадут лишь дождевые капли.

«Ну уж это — просто выдумка!» — могут сказать некоторые.

Пока это, может быть, действительно фантазия. Но скоро и она будет вполне осуществима.

Ведь есть уже самолеты-лаборатории и «распылители» углекислоты. А в будущем появятся «возбудитель дождя» и много разных других удивительных приборов, с помощью которых человек станет полновластно управлять погодой.

Тайны реставрации:

Б. Шнейдер

У Пушкина есть стихотворение, которое начинается так: «Художник-варвар кистью сонной Картину гения чернит И свой рисунок беззаконный На ней бессмысленно чертит».

Что же это значит? Неужели такое может быть? Кто же решится поверх драгоценного шедевра мелевать свои «художества»? И зачем?

Спросите ученых, работающих в Ленинградском Эрмитаже.

— О, да, — скажут они, — мы знаем много полотен, загубленных варварской кистью.

Часто случалось, что живописцам-христианам не нравилось содержание картины, они брали кисть и поверх гениально написанного полотна изображали какого-нибудь святого.

Бывало и так: художник не понимал, что перед ним потемневшая и закопченная работа великого мастера, он замазывал холст и писал поверх свою картину.

зажи голландских мастеров довольно скучными, приказал однажды художнику Шварцу приписать на этих пейзажах «фигуры по своему усмотрению». Великолепные полотна были испорчены.

Да и сами прежние реставраторы картин поступали не лучше. На картине испорчен край — что там было написано — установить трудно.

И вот на поврежденном месте реставратор писал, что ему заблагорассудится: группу деревьев, кусок неба — не все ли равно — никто никогда не узнает, что там было на самом деле.

Казалось, все это непоправимо. Как действительно узнать, что таится под слоем

метр за миллиметром реставратор снимает с драгоценного полотна «беззаконный» рисунок, и на поверхность выходят бессмертные черты творения, казалось, погибшего навеки.

Рентгеновский снимок портрета

краски? А если каким-нибудь образом и узнают, как восстановить настоящее?

Все знают, что такое рентген. Но, вероятно, далеко не все знают, что в Эрмитаже есть рентгеновский кабинет. И вот там волшебные рентгеновские лучи раскрывают реставраторам тайны картин.

Но как же вернуть к жизни найденный под слоем краски шедевр? И тут начинается кропотливейшая работа: с неимоверной осторожностью, милли-

Бывает, что рентген обнаруживает и то, что «зачеркнул», замазал в процессе творчества сам художник.

Есть в Эрмитаже картина великого голландского художника Ван-Дейка — «Портрет доктора Махаркейзуса». Художник написал человека в черной одежде, как и полагалось ходить врачам того времени. Но вот однажды заметили, что на картине сквозь черную краску просвечивает кое-где красная. Очевидно, от времени картина местами потерялась, это понятно, но почему видна красная краска? Откуда она взялась?

Картину просветили рентгеном, сделали снимок и обнаружили человека, сидящего в кресле. По красному цвету одежды можно было догадаться, что художник писал кардинала. Но

Ван-Дейк. Портрет Махаркейзуса

Царь Николай I считал себя великим знатоком искусства. И вот этот-то знаток, находя пей-

суждениями, милли-

как в этом убедиться, а если возможно, то и узнать его имя?

Оказывается, во Флоренции есть портрет кардинала Бентивольо кисти Ван-Дейка. Ученым удалось установить, что в обоих случаях изображен один и тот же человек. Очевидно, художник, недовольный начатой картиной, бросил работу над ней, и написал сверху портрет своего друга — доктора Махаркейзуса. Впоследствии он все же написал портрет кардинала.

Конечно, в этом случае «лечить» картину — извлекать одну из-под другой — было совершенно незачем. Но разве не интересно, что мы узнаем подробности жизни и работы великого художника прошлого благодаря нашей технике и большому опыту наших ученых?

Мы рассказали, как исцеляют полотна, пострадавшие в результате грубого насилия. Но чаще приходится «лечить» картины, заболевшие какой-нибудь естественной болезнью. Картины дряхлеют от старости. Холст, или деревянная дощечка, на которой написана картина, разрушаются еще быстрее, чем краски.

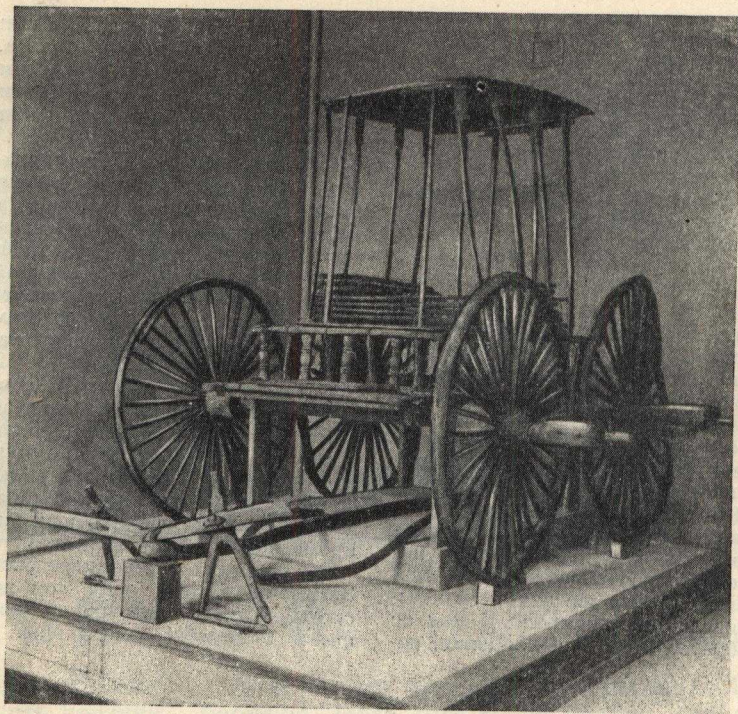
И вот, осторожно перевернув громадное полотно лицом вниз, реставратор по одной ниточке снимает весь холст, — остается одна краска. Тогда сзади же на нее наклеивают новый холст — свежий и прочный.

Картина была написана на полотне, вытканном гаарлемскими или веронскими ткачами в XV веке, а теперь она держится на холсте, изготовленном в Иванове или Калинин в 1955 году. Ну разве это не чудо?

Иногда картина, написанная на дощечке, попав в наш сырой город, как бы заболевает ревматизмом: доску сводит, корбит, она, как говорят, начинает «играть». И искусный реставратор накладывает на нее сзади решетку, которая не позволяет доске гнуться.

От сырости картины часто покрываются плесенью. Обычно плесень удаляется легко, но есть особо ядовитая, которую снять, не испортив картины, не так просто. И вот тогда прибегают к действию ультрафиолетовых лучей. Они убивают ядовитую плесень.

Но вот что интересно: ультрафиолетовые лучи часто помогают обнаружить подделку, приписанные куски. Дело в том, что под действием этих лучей краски светятся, но светятся они по-разному. Свинцовые белила,

Так выглядит реставрированная колесница скифского вождя

например, светятся иначе, чем цинковые. А известно, что цинковых белил в XVII веке еще не было, художники писали свинцовыми. И вдруг на картине XVII века, освещенной ультрафиолетовыми лучами, обнаруживается кусок, написанный цинковыми белилами. Все ясно — кусок приписан позже.

Долго лежал в Эрмитаже кусочек железа, величиной со спичечный коробок, весь изъеденный ржавчиной. Никто не знал, что это за штука, никто не мог вспомнить, как она очутилась в Эрмитаже. Пожалуй, можно бы и выбросить. Нет, погодите... Рассмотрели под ультрафиолетовыми лучами, просветили рентгеном — и что бы вы думали? Оказалось, что этот бесформенный кусочек — античная пряжка, отделанная золотом.

А что сказали бы вы о человеке, причем человеке ученом, который с молотком в руках ходит по залам Эрмитажа и отбивает у античных статуй пальцы, кисти рук, а то и целую руку? Если бы вы попытались его остановить, вас никто не послушал бы.

Профессор, который отбивал пальцы у античных статуй, делал благое дело: он отбивал «лишнее», освобождал скульп-

туру от ненужных доделок, возвращал статуям тот вид, в каком они были найдены.

И делал он это потому, что задача реставратора — сохранить подлинность вещи. Ни одного кусочка мрамора нельзя добавить к древней статуе, ни одной линии пририсовать к узору на вазе, ни одного мазка прибавить к древней фреске. Эрмитажу нужна не починка, не ремонт вещи, а реставрация. Сохранить древнюю находку в том виде, в каком она извлечена из земли, закрепить, чтобы она не рассыпалась от соприкосновения с воздухом, снять плесень или ржавчину, чтобы обнаружить под ними лепку, живопись, старинные письма, — вот в чем задача реставраторов.

А как же быть с черепками прекрасной античной вазы, если их, этих черепков не хватает? Неужели нельзя восстановить форму вазы? Можно. В таких случаях вазу «догипсовывают» — всё, чего недостает, заменяют гипсом, простым белым или серым, который резко отличается от подлинных черепков. Иногда такие гипсовые пролысинки занимают очень мало места в древнем сосуде, а бывает, что весь сосуд получается гипсовый, и только три-четыре драгоцен-

ных черепка выделяются на его гладком фоне.

Однажды в Эрмитаж прибыл странный груз: грудa деревянных обломков — старые доски, жерди, палки, обломки громадных колес. Неужели и это ценность? Возможно ли починить старую телегу или как она там называется?

— Да, это ценность! Ценность уже одним тем, что этим обломкам две с половиной тысячи лет. На этой колеснице в те незапамятные времена привезли тело скифского вождя к месту погребения. В разобранном виде колесницу положили в могилу вместе с убитыми конями, оружием, драгоценностями, посудой и пищей.

Но чтобы эту колесницу поставить в одной из зал Эрмитажа, ее нужно собрать всю до последнего колышка, до последней спицы! А кто же знает, как выглядела она когда-то? И как ее собрать? Ведь кусочки кожи, ко-

торыми вместо гвоздей были скреплены деревянные части, ссохлись и ломались при первом прикосновении. Да и сами эти обломки и обломочки гнулись и крошились в руках.

Два года трудился реставратор. Каждый кусочек дерева (а их было около двух тысяч!) он пропитывал особой синтетической смолой, укрепляя его. Он размягчил, сделал эластичной кожу. С неимоверным терпением реставратор вместе с археологом воссоздавали никем дотоле невиданную колымугу.

И вот сейчас мы с вами можем увидеть в Эрмитаже, в одной из зал Алтайской выставки, в «зале Пазырыка», огромную колесницу, в которой нет ни одного гвоздя, ни одной детали, добавленной к извлеченным из промерзшей земли обломкам.

Ее собрали в Ленинградском Эрмитаже в 1954 году тем же способом, каким построили скифы в V веке до нашей эры.

Никакая подделка не нужна Эрмитажу. Пусть те, кто приходит в этот величайший из музеев, не только любят прекрасными картинами, статуями, фарфором и драгоценностями, но и задумываются, глядя на сломанную глинянную куколку, такую простую, такую бедную и такую удивительную тем, что с ней в невообразимо далекие от нас годы играла скифская девочка, может быть, маленькая рабыня.

Пусть подольше постоят люди перед двумя огромными коврами, извлеченными из того же Пазырыкского кургана, разглядывающая всадников с лихо закрученными усами, диковинных птиц и оленей.

Ни в одном музее мира нет ковра подобной древности, — двадцать пять веков пролежали они в мерзлой земле, под каменной насыпью кургана.

И они сохранены для нас, эти драгоценные ковры, руками эрмитажного мастера.

Деталь ковра из кургана Пазырык

Эдуард Шим

КОКУРКИ

Рисунки А. Костровой

— Бабушка Поля, возьми за кокурками!

Бабушка Поля вешает на локоть корзину, кладет в нее крупно посоленный хлеб, бутылку с водой, кузовок-набирушку, ножик с отломанным кончиком. И пока все это делает, отвечает мне, как маленькому ребенку, растягивая слова:

— Да куда ж тебя брать, милой! Я на Фирино болото иду, далё-ёко... Пятки намозолишь, коленки заскрипят, покуда доберешься-то!

— И пускай скрипят! Возьми...

— Я тебя угощу кокурками, как ворочусь. Пошто тебе идти?

— Сам хочу! Возьми...

— Прилипчивой мухе, знашь, чего бывает?

— Возьми!

Бабушка Поля начинает сердиться. Если еще немножко поканючить — выпроводит вон из избы. Но я до того хочу отправиться на Фирино болото, что решаюсь на последнее средство. «Ну и пускай!» — обиженно говорю я бабушке и ухожу.

За изгородью у меня уже припрятана корзина, я украдкой вытаскиваю ее и огородами бегу к речке. Надо опередить бабушку Полю, проскочить раньше нее мост и домчаться до лесной опушки. А там — будь, что будет...

Прижимая к боку корзинку, я что есть духу несусь по дороге. На опушке кусты малинника. В них можно схорониться и подождать бабушку Полю.

Я верю, что она меня не прогонит. Хоть бабушка Поля мне и не родная, она все-таки очень добрая.

Я узнал ее весной.

В начале войны нас увезли из осажденного города, и мы попали в глухую северную деревню. Вскоре у меня заболела мать. Ведь жили мы у чужих людей, помогать нам было некому. А уже пришло время копать огород, налаживать хозяйство...

Однажды, когда вечером я сидел на меже и разглядывал мокрые мозоли на руках, прибежала незнакомая женщина. Прямая, тонкая, на высоких ногах, и я сначала подумал, что она молодая. И только потом, когда пригляделся и заметил морщины на темном лице, седые волосы и сухие, дрожавшие пальцы — понял, что ей много лет. Это и была бабушка Поля.

Она мне показала, как правильно держать заступ, потом принесла тяжелый пест от деревянной ступы, и мы сажали картошку, пробивая в земле ямки этим пестом. Вышло быстро и ловко.

Пока мать лежала в больнице, бабушка Поля кормила меня, чинила одежду и очень не любила, когда я благодарил. А перед возвращением матери сказала:

— Ты говори, что помогали, мол, все... Тут, мол, так заведено — миром помогать...

И я ничего не рассказал про бабушку Полю.

Вскоре мать поступила служить в райисполком, стала уезжать в район. Я опять

оставался один, и опять незаметно прибегала ко мне бабушка Поля...

...Из кустов, где я сижу, видна дорога. Откинув назад легкую голову, бабушка Поля идет быстро, и слышно, как поскрипывает ее корзина. Ближе... ближе... Сейчас я выскочу и... Но бабушка Поля вдруг останавливается, поворачивает голову и говорит:

— Не иначе, как в малинник забрался. Ну-кося, объявись, нечистой дух!

Вот тебе на! Как она узнала!? Смущенный, лезу я из малинника.

Бабушка Поля стоит прямая, сердитая, рот сжат. Но большие серые глаза ее блестят на скуластом лице и прижмуриваются от смеха. Потом она прыскает, как девочка, машет рукой и отступает:

— Что с тобой поделаешь... Шагай следом, да гляди — не хнычь!

Так я и знал, что согласится!

Мы идем по заросшей, давно не езженной дороге. Чем дальше, тем лес темнее и глуше. Кусты можжевельника голубыми шалашиками встают у обочин, путь перегораживают поваленные стволы елей. Пахнет скипидаром. Сыро и душно.

До Филина болота километров двенадцать. Впереди еще добрая половина пути, а я уже устал. Так и тянет присесть, да боюсь, как бы не стала браниться бабушка Поля.

Она, видно, сама догадывается. Выбирает на поляне сухое место, ставит наземь корзину. Мы отдыхаем, отхлебывая из бутылок воду, теплую и кислую, с пузырьками воздуха. Вода кажется очень вкусной.

Вдруг устоявшуюся тишину нарушает негромкий хруст. На другой стороне поляны раздвигаются лопоухие осинки. Какой-то зверь!

Я торопливо толкаю бабушку Полю локтем.

Среди листьев просовывается низко опущенная башка, острая холка в бурой шерсти, загибающиеся во-внутрь лапы. Тыча носом в траву, вываливается здоровый медведь.

Бутылка выскальзывает из моих рук; я хочу крикнуть и не могу — только шевелю пальцами да громко глотаю... Вот сейчас сию минуту зверь поднимет башку и заметит нас!

— Ты его не замай, — тихонько говорит бабушка Поля. — Ничего. Поглядит и уйдет, он в эту пору нестрашный...

Она не объясняет, почему не надо бояться медведя, и не успокаивает меня. Но мне от негромких ее слов сразу делается легко, весь страх куда-то пропадает.

Наверно, медведь и вправду теперь нестрашный. Даже немножко смешно глядеть на него — не видит нас и роется в земле, как поросенок. Вот он задрал голову, привстал на дыбки и тянет носом. Изо рта у него, как цыгарка, торчит корень..

Наконец, он учуял, что тут люди. С места, как подброшенный, повернулся и исчез в кустах.

— Воду-то пролил! — укоризненно говорит мне бабушка Поля. — Ах, неладной...

И только теперь я вижу, что из моей бутылки вытекают последние струйки воды.

Помельчал ельник, куда ни глянь — кочки, укрытые мягким мхом. Тут вьется глубокая тропинка, проложенная ягодницами. По ней мы и вышли на болото. Оно большое.

Желтые мхи разостлались на три стороны до горизонта. С краев еще растут чахлые сосенки с елками, а дальше их нет, и над болотом вольно гуляет ветер, катя волны по седым зарослям травы белоуса.

Кокурками зовется в наших местах морошка, осенняя медовая ягода. На каждой кочке, продавив ямку во мху, лежат кокурки — желтые, прозрачные, будто слепленные из восковых шариков. Положишь ягоду в рот — она сама растекается, только глотай сок да выплевывай мелкие косточки.

— В первый черед — в рот! — смеется бабушка Поля. Она тоже присела на корточки и, причмокивая, пробует ягоды. — Спелы! А сладки до чего... Ну, вались ягода сама в набирушку!

И мы принимаемся за сбор.

Рука сама собой осторожно снимает ягоды с розеток и бросает в кузовок. Сперва они рассыпчато тукают по доньшкx, затем падают неслышно. И чего только не думаешь!

Будто я великан, кочки — горы. Растет на них дремучий лес — стебельки мха, кустики голубики. Трах! — шагнул великан через гору, припечатал зеленую рощу ногой, земля под ним закачалась, не держит...

— Ау-у-у-у! — тоненько кричит бабушка Поля.

И сразу нет великана. Надо отозваться:

— Ао-о-у-у!

Первая набирушка высыпана в корзину, вторая, третья... Кажется, что много собрал, а дно в корзине еще проглядывает. Надо спешить, не то бабушка Поля обгонит.

Я шагаю дальше, к середине болота.

Уже разгорается день.

На мху и траве обсохла роса, желтые маковки кочек от солнца посветлели. Спрятанная на ночь мошкара отогрелась и вылетела, вместе с бессонными комарами вьется около меня, вяжет петли.

Становится жарко. Влажный густой воздух настоялся на запахе багульника. От него звенит в ушах, кружится голова, кочки под ногами зыблются, будто плывут...

До чего жалко пролитой воды! Хоть бы капельку глотнуть...

Я делаю шаг, и вдруг нога моя, разрывая мох, проваливается в глубину. Там холодно, жидко!

Ногy вытащил, а сандалия осталась. Хоть и старая, рваная, а всё равно надо спасать. Становлюсь на колени, сую руку в темную дырку. Под пальцы лезут корешки, плети, какая-то тина... Ага, нащупал! Я вытаскиваю сандалию и глазам не верю: в носке, среди стебельков мха бьется черная серебристая рыбка. Маленький карасик! Разве так бывает? На болоте, подо мхом, и вдруг — рыба. Живая, прыткая, скачет!

Что за чудо? Да ведь бабушка Поля говорила, что прежде на месте Филина болота лежало озеро. Только было это очень давно. А теперь озеро заросло, но до сих пор попадают на середине «окошки» — зеркальца чистой воды.

Я вскакиваю. Значит, воду всё-таки можно найти. Корзину я оставляю тут, а сам быстренько сбегаю по воду. Напьюсь, напьюсь бутылку и принесу бабушке Поле, — у нее, наверно, вода тоже кончилась.

— Ау-у-у-у! — кричит вдалеке бабушка Поля.

— Ао-о-о-у-у-у! — отвечаю я напоследок и бегу искать «окошко».

Вода долго не встречается. Впереди за кочками что-то поманит, блеснет — вроде, «окошко». А подбежишь — ничего нет. Такой же высокий мох и такие же кокурки, лежащие в ямках.

Бежать уже нет сил, я шагаю и все равно задыхаюсь. По зыбкому моховому половику ступать неловко, так и качает из стороны в сторону.

«Окошко» подвертывается неожиданно. Чуть было не прошел мимо, да утки помогли — шумно снялись с воды и потянули к лесу.

Я знаю, что вблизи «окошка» вязкие места и можно затопиться. Поэтому я ползу сначала на четвереньках, а у края совсем ложусь. Снимаю со штанов поясok, привязываю бутылку и швыряю ее подальше, на чистую воду. Бутылка тонет, как человек — пускает пузыри и захлебывается.

Вода темная, похожая на чай. Но я всё-таки жадно пью и закидываю бутылку еще раз, потому что жажда не прошла. В животе стало тяжело, а горло сухое и пить охота попрежнему.

Когда, наконец, я ухожу от «окошка», ноги мои подкашиваются. Я до того устал, что если не сяду, то свалюсь. Ложусь навзничь между кочек и шапкой закрываю лицо. Голова кружится еще сильнее, густой запах багульника щекошет горло. Звон в ушах — как волны, то затихает, то накатывает сильней.

Из дальней дали доносится до меня тоненький голос:

— Ау-у-у-у...

Я хочу отозваться, но вместо крика из рта вылетает шепот:

— У-у-у-у-у...

И на меня наваливается плотное, тяжелое, душное...

* * *

...Открываю глаза и не пойму — где я?

Стемнело. Я сижу на какой-то поляне, прислонившись спиной к дереву. Над головой меж веток просвечивают крупные, по-осеннему низкие звезды.

Лицо бабушки Поли, полбедневшее в темноте, приближается к моему лицу. И я вдруг все вспоминаю.

— Оклемался? — спрашивает бабушка и нажимает на мое плечо горячей, вздрагивающей ладонью. — Сиди, сиди, еще отдохнем чуток...

Я узнаю поляну. Мы на ней присаживались утром, когда встретили медведя. Поляна почти на середине пути — значит бабушка Поля тащила меня шесть километров на себе!

— Как же я не проснулся?!

Бабушка посмеивается:

— Я думала, ты до деревни проспишь... Надышался багульником на болоте, а он, знаешь, какой душной, дурманной! Вот головку тебе и затуманило... Ну, да ничего, просвежеешь...

Мне очень совестно, во всем виноват я.

— Дальше я сам пойду!

— А конечно. Мне тебя дальше и не пронести, это я с перепугу шесть верст отмахала, ног не чуявши...

Голова у меня еще побаливает. Но я встаю, берусь рукой за край бабушкиной корзины, и мы шагаем по неви-

димой в темноте дороге. Спать мне хочется отчаянно, дремлю на ходу и всё время спотыкаюсь о пеньки и корни.

В себя я прихожу только у калитки дома.

— Мамке-то не говори ничего! — шепчет бабушка Поля. — Пошто ее пугать понапрасну... Чуешь? Ну, ступай, милой, пусть тебе ласковый сон привидится...

Она неслышно отпирает калитку и пропускает меня во двор.

Стучаться в двери я боюсь. У матери утру не отпрашивался — достанется мне... Как быть?

Лучше не будить ее, и я пролезаю в дом через разбитое окно, поднимаюсь на сеновал. Буду спать здесь, а назавтра все объясню...

На заре я слышу сквозь сон, как мать выходит из дому и гонит в стадо козу. Конечно, она меня уже видела, но отчего-то не бранится и не будит. Я опять засыпаю и сплю долго, почти до полудня.

А когда вхожу в горницу, мать встречает меня улыбкой. Она сидит за столом, держа на коленях мою корзину с кокурками. Корзина полным-полнешенька спелых ягод, мать перебирает их и меряет литровой банкой...

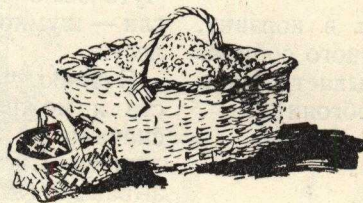
— Где ж ты столько набрал? — спрашивает она. Для нее кокурки — неожиданный подарок.

У меня перед глазами проходит вчерашний день на болоте. Я ведь набрал ягод совсем мало, в корзине просвечивало дно... Потом побежал по воду... Потом заснул...

В груди у меня теплеет. Бабушка, бабушка...

Мать опорожняет последнюю банку, проводит рукой по ягодам, словно гладит их, и говорит:

— Вот и хорошо. Всё мне подмога... Продадим, сошью тебе рубашку, в школу ходить.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Ленинград, Набережная Кутузова, 6

Читателям „Костра“

Дорогие ребята!

Нам, группе легкоатлетов, участникам XVI Олимпийских игр в Мельбурне, хочется поздравить вас с наступающим Новым годом!

Прежде всего, желаем вам больших успехов в учебе, ну, и, конечно, хороших результатов в спорте. Мы хотим, через 5—6 лет прочесть в газетах прославленные имена новых не известных еще нам сегодня, молодых чемпионов.

С Новым годом, юные друзья!

Михаил Кривоносов, Ардадьон Игнатьев, Анатолий Юлин, Борис Матвеев.

Ребята! Читайте в следующих номерах „Костра“ корреспонденции нашего специального корреспондента на Олимпийских играх в Мельбурне, известного советского дискбола Бориса Михайловича Матвеева „Когда горит Олимпийский огонь“.

Загадка Рудника Зеленого Дракона

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Экспедиция разыскала ценные месторождения.
Подземный пожар не надо гасить! Кан-Таг будет служить человеку!
Документ найден и прочтен! Сокровища Тянь-Шаня ждут своих исследователей.

В редакцию «Костра» доставили объемистый пакет. Распечатали — это экспедиционный дневник Андрея и письмо Вани. В дневнике говорилось, что уже две недели ведет экспедиция поиски легендарного рудника. Ваня и Андрей работают коллекторами. Приводим из дневника Андрея краткие выдержки.

25 августа. Лагерь вблизи ущелья Сары-Девол. У нас за палатками — густой камыш, где по ночам слышно хрюканье диких кабанов. Там — озеро Искандер-Куль. Вокруг — горы. Над ними острый белый пик — высочайшая недоступная вершина Зеравшанского хребта Канза.

Ваня ходит в маршруты с Озеровым, я — с Али. Собираем, записываем, упаковываем образцы пород и минералов. Научились распознавать камни, читать топографическую карту.

Али уговорил Озерова посмотреть пещеру, про которую рассказывал Сафар. Они пробыли там до ночи, но изображения Зеленого Дракона не обнаружили.

Тогда Али предложил Озерову пройти по всем пещерам, но тот отказался. Озеров считает, что рудник Зеленого Дракона — всего только легендарный вымысел. Али горячо спорит с ним.

Далее в дневнике рассказывалось о грозе, которая всю ночь бушевала в горах и над лагерем, о том, как после ливня реки вышли из берегов и по-иски приостановились. Андрей описывал и свое

посещение рудника Казнок, куда он отправился с Али, чтобы пополнить запасы соли и сахара, испорченные ливнем.

За это время, сообщает Андрей в своем дневнике от 28 августа, Озеров и Ваня побывали в ближайших горах. Пещеры Зеленого Дракона не нашли, но обнаружили новое месторождение вольфрама. Это было ценное открытие, но теперь бесполезно искать рудник Зеленого Дракона в окрестностях озера: вольфрам не встречается вместе со ртутью, а на руднике Зеленого Дракона вместе с золотом добывалась ртуть. Значит, этот рудник расположен где-то дальше. Но где же?

Чтение дневника внезапно прервалось новым удивительным сообщением Курочкина из Эмска.

Главному редактору «Костра»
(Служебно секретно)

Спешу сообщить — никакого рудника Зеленого Дракона нет. Ну и попались же мы с этим «документом»!.. Бабушка обнаружила документ сегодня утром за печкой! Бабушка говорит, что его занесло туда сквозняком, но я уверен, что документ подбросил сам похититель. Впрочем, возможно, мне все это примерещилось во время страшной грозы.

Вот полное содержание расшифрованного мной документа, этого жалкого клочка бумаги, в которой мы вложили столько безумных надежд:

15 июля, 1896 года.

Топографические съемки закончены. Утром поднимался с Сафаром на Кан-Таг. Подъем от начала Великого Ущелья по красным осыпям крут и тяжел. Облака дыма и паров на вершине указывают путь. Снизу от развалин крепости гора производит впечатление действующего вулкана. Но арабы ошибались. Кан-Таг не вулкан. Выделение газов и тепла — результат пожара угольных пластов. В память о горелых камнях Кан-Тага решил сохранить образцов, взятый в средней части склона на высоте около 300 саженей над рекой. Видимо, это огнеупорный материал, запасы которого здесь огромны. Прибавлю его к своей коллекции минералов, которую собирал по всей России. Через три дня покидаю Тянь-Шань и выезжаю в Эмск, для топографических съемок... С грустью вспоминаю рассказ Сафара о сокровищах Зеравшанского хребта. Легенды, легенды!... Два года бесплодно искал я рудник Зеленого Дракона западнее Кан-Тага. Каньон Фан —...

На этом обрывался текст документа. Внизу гневной рукой Курочкина была сделана приписка: «Злосчастный документ — всего-навсего страничка из дневника военного топографа! Никаких загадок!.. Было из-за чего прыгать в окно!!

Ваш несчастный Курочкин.»

Когда письмо нашего корреспондента было прочитано, в редакции «Костра» воцарилось напряженное молчание. Однако длилось оно недолго. Его нарушила не менее разительная новость. Редактору подали только что прибывшую из Захмат-абада телеграмму:

«АЛИ И АНДРЕЙ НЕ ВЕРНУЛИСЬ МАРШРУТА НЕДЕЛЮ НАЗАД ТЧК ПОИСКИ НЕ ДАЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ ТЧК ПРЕДПОЛАГАЕМ НЕСЧАСТЬЕ ТЧК ОЗЕРОВ»

— Спокойствие! — сказал главный редактор. — Продолжим чтение дневника Андрея, быть может, найдем в нем какие-либо разъяснения.

Из дневника Андрея

5 сентября.

Осмотрели долину Сары-Девол. Рисунок Дракона нет. Али мрачнеет. Он намерен искать следы рудника в глубине пещер. Но пещеры завалены. Озеров говорит: осмотр пещер бесполезен. Они возникли в четвертичное время при растворении известняков хребта Хозер-Меч грунтовыми водами. Откуда же в них возьмется руда? Али же верит, что легенда, рассказанная Сафаром, — правда и требует обследовать глубины пещер. Там, думает Али, скрыты несметные сокровища, из-за которых погиб храбрый Омар.

Озеров возражает: спрятанных сокровищ нет, могут быть рудные жилы. Они и есть те сокровища недр, о которых мечтал человек в древности и которые умели добывать лишь в ничтожных размерах. «В окрестностях Искандер-Куля, — говорит Озеров, — золото и руть добывались еще во втором тысячелетии до нашей эры. Эти ценные металлы вывозили отсюда в Малую Азию и в Египет. Несомненно, что где-то здесь находился древний город и рудник, разрушенные Александром Македонским. Итак, лазать в глубины пещер незачем: мы ищем остатки рудника. Быть может, они приведут нас к жилам, богатым рудами».

Но Али только упрямо покачивал головой.

10 сентября Андрей записал в своем дневнике, что Али решил обследовать пещеры. Андрей и

Али захватили туго набитый съестными продуктами рюкзак и в сопровождении собаки «Борьки» двинулись в путь.

Разведчики подошли к обвалу, преграждавшему проход в пещеры. Тщетно пытались проникнуть внутрь. Даже Борька не мог пролезть в расщелину. И когда Али отчаялся было найти проход, Борька надолго исчез в последней расщелине.

«...— Здесь! — сказал Али. — завтра мы попытаемся раскрыть тайну Зеленого Дракона.

Он спрятал меж камней свой тяжелый рюкзак, и мы зашагали к лагерю...»

На этом обрываются дневники Андрея.

Неутешительным оказалось и сообщение Вани. Он писал, что дневник Андрея найден в их палатке, что розыски пропавших безуспешны, а надвигающиеся снегопады мешают поискам.

Через несколько дней в редакцию пришло еще одно письмо от Вани:

«Если бы только знали наши погибшие друзья, что вчера мы все-таки нашли древний рудник! Все случилось очень просто. Мы с Озеровым отправились вверх по течению Сары-Таша к ледникам. Сары-Таш — большая долина, западнее Сары-Девол. Их разделяет высокий скалистый хребт Хозер-Меч.

— Если пещеры Сары-Девол действительно велики, — сказал Александр Николаевич, — они могут иметь выходы и в долину Сары-Таша.

— Значит, Рудника Зеленого Дракона и здесь быть не может? — спросил я.

— Наверну в известняках, где могут быть пещеры, — едва ли. А вот ниже стоит осмотреть местность.

Стайка горных куропаток опустилась на землю недалеко от нас. Александр Николаевич поднял двустволку и выстрелил почти не целясь. Я пошел собрать убитых птиц, и вдруг рядом с куропаткой увидел кусок серебристой руды. Крупные длинные кристаллы расходились от нескольких центров наподобие лучей. Я схватил находку и побежал к Озерову. Он пристально рассматривал какой-то камень. То был кусок шлака. Александр Николаевич объяснил мне, что это след древних плавов.

— Что же здесь плавил? — спросил я.

И тут оказалось, что на этот вопрос ответила моя находка. То был антимонит — сурьмяная руда! Значит, рядом может оказаться и руть! Значит...

Через несколько минут мы уже сидели верхом на первой найденной нами рудной жиле и яростно отбивали образцы...

Товарищи! Я слишком взволнован, чтобы писать связно! Найдено большое месторождение. Мы не успевали наносить на карту десятки жил, содержащих киноварь и антимонит. Профессор Татаров (он приехал к нам накануне) разыскал породу, видимо, богатую золотом. Шоды и Закир раскопали остатки примитивных плавильных печей и груды шлака. Возле месторождения обнаружены развалины стен и фундаментов. Быть может, это и есть развалины города, разрушенного Александром Македонским.

Али и Андрей! Почему вас нет больше с нами!..

Привет читателям «Костра» из далекого Таджикистана от оставшихся в живых участников экспедиции.

Ваня.

Р. С. Это письмо, наверное, последнее. Завтра возвращаемся в Захмат-абад. Будущей осенью я непременно поступлю в Горный техникум.

Еще одно, очень краткое письмо от 10 октября получила редакция «Костра» от участников героической экспедиции. Как все обрадовались этому известию!

10 октября

Последний лагерь на
Сары-Таше.

«Али и Андрей спасены. Почти месяц проплутали они в подземном лабиринте Хозер-Меча. Их нашли обессиленными от голода в пещере, выходящей в долину Сары-Таша. Сейчас они отдыхают в Захмат-абаде.»

Иван Каныков.

Более подробно со слов профессора Татарова написал Курочкин. Он рассказал, что Али и Андрей проникли в пещеры по высохшему руслу древней подземной реки. Путники не погибли, блуждая в них, лишь потому, что Али захватил с собой рюкзак с продовольствием. Последнюю неделю, уже обессилив от голода, путники пробирались ощупью в полнейшем мраке, так как карбид в лампе иссяк. Ни сокровищ, ни руды, конечно, не видели. Коллекции, собранные в подземных странствиях, пришлось бросить. Андрей сохранил только обломок стрелы с кремневым наконечником, поднятый в одной из сталактитовых пещер. Значит, в прошлом люди проникали в лабиринт.

История спасения блуждавших товарищей вкратце такова. Сафар, узнав о несчастье, немедленно созвал окрестных колхозников, чтобы с их помощью начать спасательные работы. К этому времени Озеров уже обнаружил несколько пещер, расположенных над древним рудником. Одна уходила на глубину. Рассчитывая, что пещеры могут тянуться через весь известняковый массив Хозер-Меча, решили начать работу с двух сторон. Группа профессора Татарова проникла в лабиринт со стороны Сары-Деволы, группа Сафара и Озерова — со стороны Сары-Таша. На третьем километре от входа Сафар слышал лай Борьки, а вскоре нашли Али и Андрея. Предположение Озерова подтвердилось: подземный

лабиринт хребта Хозер-Меча — сквозной, имеет выходы и на восток — в сторону Сары-Деволы, и на запад — в сторону Сары-Таша.

— Древний рудник, — сказал профессор, — развалины города и пещерный лабиринт еще ждут своих исследователей.

В заключение профессор Озеров ответил на два важных вопроса, интересовавших читателей «Костра»: как была организована экспедиция и почему загорелся подземный уголь в Кан-Таге.

Экспедиция готовилась давно, и ее начало лишь случайно совпало с письмом Африкана. Цель экспедиции была отнюдь не поиски сокровищ рудника Зеленого Дракона, а геологическая разведка недр. Как и предполагали ученые, здесь в изобилии залегают ценные руды.

Причины подземного пожара профессор Озеров объяснил так. Ущелье Фан-Дарьи — гигантская трещина, расколовшая поперек Зеравшанский хребет, образовавшаяся при одном из землетрясений, которые некогда сотрясали окрестности Кан-Тага. Пласты угля горы Кан-Таг могли загореться при окислении сернистых веществ, которые всегда находятся в ископаемом угле. Усилить пожар могла тяга, она возникла в трещинах горы. Огонь распространялся от подножия горы к ее вершине. Так несколько тысячелетий назад начался этот подземный пожар.

Можно ли погасить этот пожар? Можно! Но, вероятно, затраты по тушению обойдутся дороже стоимости спасенного угля. Стоит ли это делать? Навряд ли. Пройдет немного лет и природное тепло Кан-Тага станет служить человеку. На крутых склонах Кан-Тага вырастут корпуса энергетической станции и химических заводов, вниз в долины побегут трубопроводы и линии высоковольтных передач, и синеватый природный газ вспыхнет в горелках лабораторий и на кухнях коттеджей в окрестностях рудника.

— Я уверен, — сказал профессор, — что пройдут годы и юные читатели «Костра» поедут работать на еще не открытые рудники Зеравшанского хребта и увидят все его сокровища собственными глазами.

Ленинград, „Костер“,

Отдел „Пионеры — шестой пятилетке“.

ПИОНЕРЫ РЯЗАНОВСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА ЛЕТНИЙ ПЕРИОД ЗАРАБОТАЛИ 3000 ТРУДОДНЕЙ ТЧК СЕНТЯБРЕ КОЛХОЗАХ НАКОПАЛИ 82 ТОННЫ КАРТОФЕЛЯ ЗПТ ВЫТЕРЕБИЛИ 4 ГЕКТАРА ЛЬНА ЗПТ УБРАЛИ 4 ГЕКТАРА КУКУРУЗЫ ЗПТ СИЛОСОВАЛИ ТЧК ВЫПОЛНЯЛИ ДРУГИЕ РАБОТЫ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИОНЕРЫ!

Мы, пионеры города Куйбышева на Волге, с большим удовольствием принимаем ваш вызов.

Наш город соревнуется с городом Саратовым по благоустройству. У нас силами комсомольцев строится телецентр, зимний водный комсомольский бассейн и многое другое.

Сейчас тысячи комсомольцев уезжают по призыву родной партии на стройки страны: на Алтай, в Донбасс, в Омск. Наша помощь оставшимся в городе комсомольцам-строителям стала необходима.

По вашему примеру мы помогаем строить водный плавательный бассейн. Впервые, в середине сентября, со знаменем, под звуки горна и барабана пришли на стройку пионеры Дзержинского района. Их инициативу поддержали пионеры всех районов нашего города, они все теперь помогают своим старшим товарищам-строителям.

Пионеры города Куйбышева: Мелешкин В., школа № 94, Перепелов, школа № 63, Максимов Т., школа № 1.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Наклейте цветная фотография „Ворота в Санчи“

«Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в море полуденном далекой Индии чудес...» — поется в опере «Садко».

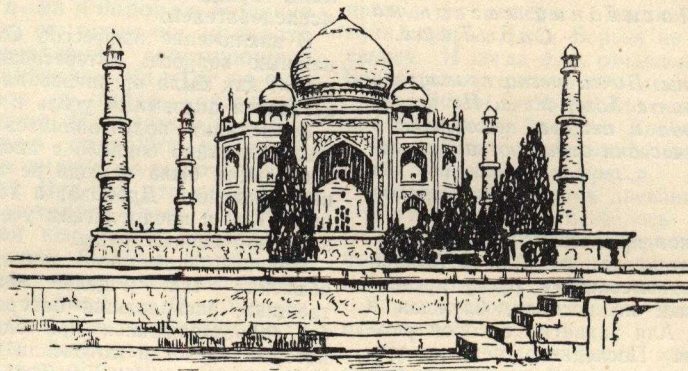
И, верно, недра Индии богаты рудами, ее города славятся замечательными произведениями зодчества, которые на протяжении веков создавал трудолюбивый, талантливый индийский народ.

Искусными руками индийских каменотесов и камнерезов возведено величественное здание мавзолея Тадж-Махал. Оно сооружено из белого мрамора, а по мрамору выложена инкрустация из самоцветных камней. Этот кропотливый труд потребовал от мастеров большого опыта, умения, времени. Ведь тонкий, сложный узор из яшмы, агата, сердолика и других твердых пород камня вырезали самодельной пилкой.

Прекрасной художественной работой украшена семидесятиметровая «Башня Победы» — Кутуб Минар, которая возвышается в окрестностях столичного города Дели. Эту башню заложили в XII веке и строили около двухсот лет. Сколько мастеров-каменеров трудились для того, чтобы покрыть всю поверхность башни (около двух тысяч квадратных метров) тонким рисунком художественной резьбы!

Еще раньше, чем «Башня Победы», высечен в массивах скал огромный храм Кайласа. Поколения неизвестных живописцев работали годами в полутемных залах храма, чтобы украсить его стены великолепной живописью.

Сколько выдумки, изобретательности вложено в создание скальных храмов с «поющими» колоннами. Эти колонны, полые внутри, подвешены к потолку. Внут-

Тадж-Махал

ри колонны помещены глиняные кувшины, цилиндры и другие приспособления, которые заставляют колонны звучать.

При малейшем дуновении ветерка колонны начинают «петь», каждая на свой лад; слышится стройный, как у органа, хор звуков. Уже восемь веков минуло с

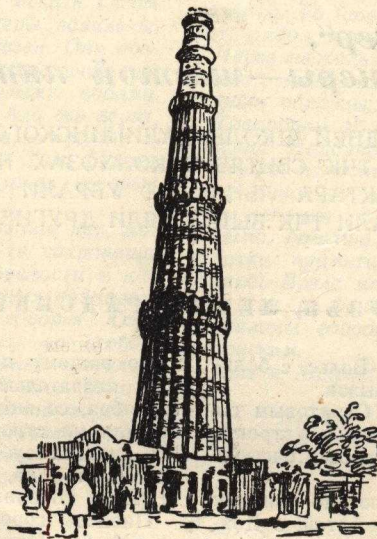
тех пор, как хитроумные мастера заставили звучать эти колонны. Звучат они и теперь.

На цветной фотографии изображен самый древний памятник архитектуры Индии — каменные ворота в Санчи. Они сооружены две тысячи лет тому назад и напоминают такие же, только деревянные ворота, встречающиеся и сейчас в индийских деревнях.

Столбы и перекладины ворот в Санчи украшены рельефными изображениями животных — домашних, диких, полуфантастических. Внимательно всмотревшись, можно увидеть слонов со всадниками, крылатых львов, быков, диких зверей с человеческими лицами, кобру, свернувшуюся кольцами, людей в лодке, бытовые и военные сцены, религиозные обряды.

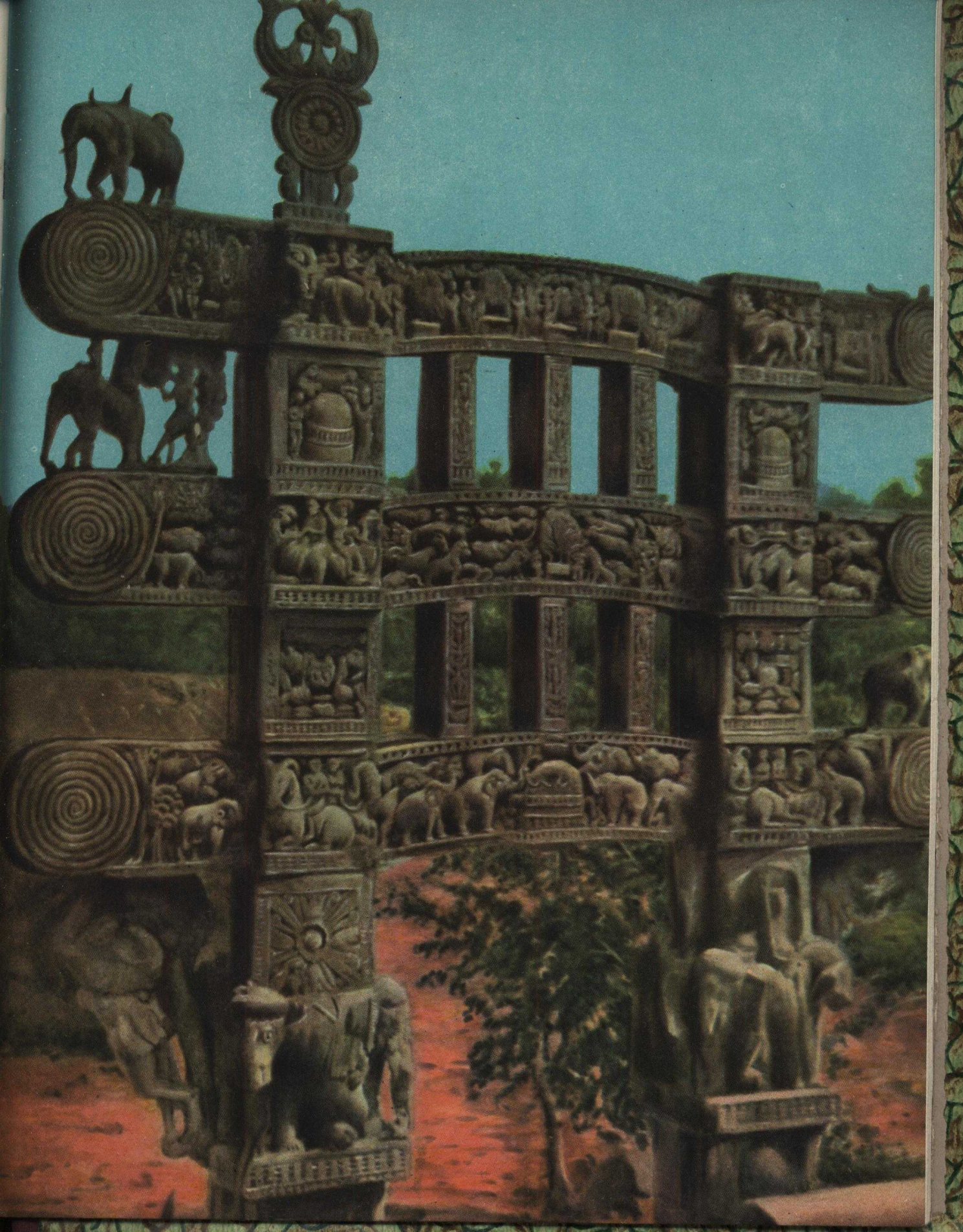
Разглядывая эти изображения на воротах, можно представить себе, как жили тогда люди, как охотились, воевали, во что верили...

История не сохранила имен всех талантливых мастеров — создателей прекрасных произведений искусства. Полунищие, часто голодные, они знали лишь подневольный труд ради куска хлеба. Свободный народ Индии по праву гордится их талантом и бережно охраняет эти замечательные памятники истории, памятники труда.

Кутуб Минар

И. Григорьева

МЕСТА, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Пионерская эстафета

КАЛИНИНЦЫ ПРИНЯЛИ ЭСТАФЕТУ

В эстафете по историческим памятным местам Великого Октября активное участие приняли пионеры Калининского и Дзержинского районов Ленинграда.

В редакцию пришло письмо от юных калининцев. «Дорогие друзья!

Во время летних каникул мы изучали революционное прошлое своего района — Выборгской заводской стороны. Калининский район имеет богатую историю. В дни революционных боев рабочие Охтенских заводов и фабрик, рабочие-выборжцы были в первых рядах борцов.

В самом начале своих поисков мы обнаружили место, которое раньше называлось «Лагерной поляной». Здесь проходили революционные митинги. В 1917 году на Первомайском митинге на «поляне» выступал Владимир Ильич Ленин.

Фотографии «Лагерной поляны» и зарисовки, которые мы сами сделали, теперь хранятся в краеведческом музее районного Дома пионеров.

От старых рабочих мы услышали о революционном прошлом Кондратьевского проспекта. В доме № 14 мы посетили бывшую явочную квартиру — «Лутугинский университет» и нашли место, где была подпольная типография.

Мы установили место первых баррикад. Они были воздвигнуты между Минеральной улицей и Металлическим заводом во время столкновений рабочих с полицией. Это было накануне Октябрьской социалистической революции. Несколько человек во главе с Геней Корчагиным делают теперь макет «Баррикады на Выборгской стороне».

Мы узнали, что в доме № 4-б, в квартире № 29 по улице Смирнова помещался секретный пункт связи. Сюда приносили письма Ленина к товарищам по партии. В этой квартире В. И. Ленин проводил совещание перед вооруженным восстанием.

Разыскали мы дом № 6 на Финляндском проспекте, где был устроен рабочий клуб «Свободный разум» и находилась редакция большевистской газеты.

К нашим поискам мы привлечем и остальных пионеров района. Эстафету кировцев мы приняли и будем продолжать свои поиски. Интересно, что нашли и узнали ребята в других районах и городах?

По поручению туристов дома пионеров Калининского района: *Сева Щербатых, Алла Мохова, Галя Знатнова, Гена Корчагин, Галя Лукманова и другие.*

РАПОРТУЮТ ПИОНЕРЫ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА

«Дорогая редакция! Нам очень понравилось предложение, о котором мы прочитали в пятом номере журнала «Костер».

Мы тоже изучаем свой, Дзержинский, район и участвуем в составлении пионерской летописи революционных событий Ленинграда.

С начала нашей работы прошло немного времени, но уже есть важные результаты. О них мы и хотим рассказать.

Прежде всего мы стали выяснять биографию революционеров, чьими именами названы улицы нашего района.

Вот, например, улица Халтурина или Петра Лаврова, почему они так называются? Из книг мы узнали, что Степан Николаевич Халтурин был одним из создателей замечательной организации «Северного союза русских рабочих», что Петр Лавров был публицистом, народником.

Самым увлекательным делом было узнать о событиях, которые связаны с улицами нашего района. Обычно мы отправлялись в поход группами, иногда и поодиночке. Тщательно осматривали каждый фасад, нет ли где мемориальной доски, иногда заходили во дворы, расспрашивали жильцов.

Однако вскоре мы поняли, что одних расспросов недостаточно: жильцы в домах уже не раз менялись, и те, кто живут сейчас, часто не знают, что происходило в их доме до революции. Тогда мы отправились в центральный музей В. И. Ленина. Мы бывали здесь и раньше, но теперь пришли с определенной целью. Нас интересовало, какие события в жизни нашего района связаны с именем Владимира Ильича Ленина.

Мы внимательно просматривали каждый документ, каждую фотографию.

С помощью материалов музея мы установили, что Ленин жил в доме № 58 по улице Чайковского. В то время она называлась Сергиевской. В доме № 13 по этой улице жила М. А. Ульянова, в этом доме Ленин часто бывал и даже некоторое время жил.

Фотографии этих домов мы поместили в альбом.

Сейчас мы изучаем Марсово поле. Конечно, все мы и раньше бывали здесь, бродили по братскому кладбищу, читали имена революционеров, но ничего не знали о них.

На небольшой гранитной плите мы прочли: «М. М. Володарский убит эсерами в 1918 году».

Имя Володарского нам всем хорошо знакомо. Этим именем назван мост через Неву, пригород Ленинграда — Володарское, швейная фабрика и одна из типографий. Нам захотелось познакомиться с биографией Володарского. Мы узнали, что Володарский был активнейшим деятелем революции, членом ВЦИК, комиссаром по делам печати, агитации и пропаганды. Узнали мы и о том, что Володарский — это партийное имя и произошло оно от названия его родины — Володарск-Волынский.

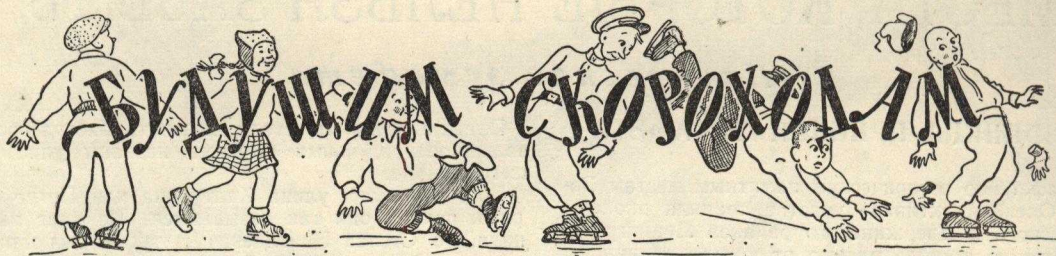
Мы собираемся написать пионерам Володарск-Волынского и тогда узнаем о жизни Володарского в их городе.

На Марсовом поле похоронены и другие революционеры — об их биографии и деятельности нам еще предстоит узнать. То, о чем мы рассказываем сейчас, только часть работы, которой заняты все пионеры и комсомольцы нашей школы.

Все собранные материалы мы объединим, и тогда в альбомах и дневниках предстанет вся революционная история улиц Дзержинского района. Это будет нашим подарком к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

*Пионеры 7-а класса 193 школы
Дзержинского района г. Ленинграда.*

На вклейке рисунок А. Пахомова «На лыжах!»

Заслуженный мастер спорта Николай Иванович Петров—неоднократный чемпион и рекордсмен Советского Союза по скоростному бегу на коньках и велосипедному спорту. Он много занимался с юными конькобежцами, вырастил немало отличных скороходов, а сейчас обучает этим видам спорта студентов орденоносного института физкультуры имени Лесгафта.

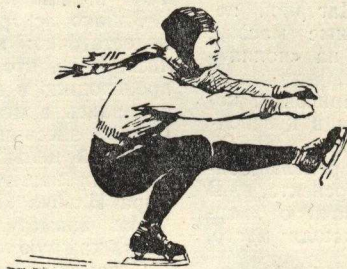
Эту статью Николай Иванович написал для своих юных друзей пионеров—читателей «Костра»—будущих покорителей ледяных дорожек.

Если вы хотите быстро, красиво скользить по льду на коньках, прислушайтесь к его советам.

Когда навстречу мне на одном коньке, привязанном веревками к валенку, мчится паренек взшего возраста, я каждый раз невольно улыбаюсь. Вспоминаются первые мои «старты» близ Сенной площади в Ленинграде, где мы, ватага мальчишек, имели на десять человек едва ли пятнадцать коньков разных марок: и круглоносую «снегурку», и заржавелые «хоккейки», подобранные среди хлама на чердаке, «Жаксон», много лет послуживший спортсмену, и даже мечту всей нашей компании—один полубеговой конек, неизвестно как попавший к нам. Все годилось для наших состязаний, которые устраивали всякий раз, как позволяла неустойчивая ленинградская погода.

Когда же удавалось скопить денег и попасть на каток, на пруды бывшего Юсупова сада, где играла музыка, да еще заполнить сразу два конька—это был праздник. Мы тогда и не подозре-

вали, что на этих прудах начал свою спортивную карьеру один из лучших фигуристов мира Николай Панин, так же как не думали, что кто-нибудь из нас станет чемпионом.

Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что зимой спорт на коньках, во всех его разновидностях—любимое развлечение наших ребят. Это и понятно. Научиться бегать на коньках может каждый, а потом уже его дело—стать ли конькобежцем-скоростником, или фигуристом, вычерчивающим на льду точные и сложные рисунки, или хоккеистом—участником горячих схваток с мячом, шайбой.

Как показал опыт, ни одна из этих «специальностей» конькобежцев не мешает другой. Известно, что Александр Паншин, первый чемпион мира по скоростному бегу на коньках, перестав быть скороходом, продолжал выигрывать звание чемпиона России по фигурному катанию на коньках.

Еще удачнее смена хоккея и фигурного катания на скоростной бег. Такие сильнейшие конькобежцы, как Владимир Смолдин, Евгений Сопов и многие

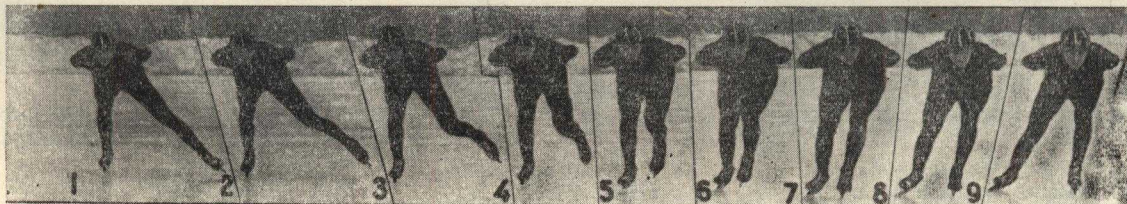
другие скороходы были хорошими хоккеистами. Успешно играл в хоккей и двукратный абсолютный чемпион СССР Евгений Летчфорд, основатель и руководитель одной из первых в СССР детской спортивной школы конькобежцев.

Валя Московская восьми лет начала заниматься фигурным катанием, на беговые коньки встала только в прошлом сезоне и сразу же стала перворазрядницей. В этом году, я уверен, она станет мастером спорта, хотя ей всего 20 лет. Это «сразу же», конечно, не произошло бы на беговой дорожке, если бы Валя не занималась с восьми лет фигурным катанием, не чувствовала бы себя на льду, как говорят, «в своей стихии».

Вывод напрашивается такой: можно избрать любую разновидность спорта на коньках, но прежде всего надо научиться «простому катанию».

С чего начинать учиться «простому катанию» на любых коньках, даже детских, с коротким и толстым полозом?

Полоз конька имеет плоскость и два острых ребра: внутреннее и наружное. Прежде всего нужно научиться уверенно сохранять равновесие, как на правом, так и на левом коньке, скользя на плоскости полза. Понаблюдайте, как хорошо это выходит у сильнейших конькобежцев на соревнованиях. Если же это невозможно, внимательно рассмотрите кинограмму бега одного из замечательных советских скороходов—Бориса Шилкова. Взгляните на кадры №№ 2, 3, 11, 12. Вы видите, как ровно, на всём полозе скользит олимпийский чемпион. И вы, в самые пер-

вые дни вашего выхода на лед попросите товарища посмотреть (спереди или сзади), прямо ли идут у вас коньки, не заваливаются ли они на внутренние ребра.

Я потому подробно разбираю этот вопрос, что без правильного скольжения просто невозможны хорошие спортивные результаты. В этом меня убеждает собственный печальный опыт. Не научившись в детстве правильно скользить, сохраняя равновесие, я был принужден исправлять этот недостаток, уже будучи взрослым спортсменом. А известно, что исправлять труднее, чем сразу правильно научиться. Только через пятнадцать лет после первых вылазок на каток мне удалось стать чемпионом Советского Союза. Ваш путь к спортивному мастерству может быть короче.

Чтобы хорошо скользить на плоскости полоза, попробуйте делать «пистолетик» и «ласточку» (см. рисунки), двигаться спиной вперед, делать на поворотах «перебежки» в обе стороны. Такие упражнения повышают устойчивость на коньках.

Овладевая техникой скоростного бега на коньках, вовсе не следует все время бегать, как можно быстрее. Злоупотреблять быстрым бегом в начале обучения нельзя, это может помешать овладеть спортивной техникой. Вначале надо двигаться редкими длинными шагами, следя за правильностью скольжения.

Второй очень важный момент в технике катания — толчок, который дает новую скорость бегуно: Сталкиваться надо не носком, как это обычно делают новички, а серединой полоза. После окончания толчка нога некоторое время задерживается в том положении, в котором она закончила толчок. На кинограмме это хорошо видно в кадре № 11. При выполнении толчка полезно слегка присесть, сильнее сгибать ногу, которая ставится на лед.

Вы научились устойчиво держаться на льду, хорошо, правильно скользить на плоскости полоза, сильно отталкиваться серединой полоза. Это много, но еще не все, даже для «простого катания». Конькобежец должен овладеть еще

и «посадкой», — так называется рабочая поза скорохода. Туловище наклонено вперед, спина немного согнута, голова лишь слегка поднята, ноги согнуты.

На кинограмме бега 5 Шилкова вы видите образцовую «посадку», едва ли не лучшую в мире. Если пустить рядом двух абсолютно равных по силе и технике скороходов, то выиграет тот, у кого посадка будет лучше, потому что он будет двигаться быстрее. Его фигура будет лучше резать воздух. Хорошая посадка облегчает овладение правильной техникой.

Если вам приходилось бывать на соревнованиях, то вы, наверное, заметили, что, как правило, большую часть длинной дистанции скороходы идут с руками, сложенными за спину. На коротких дистанциях, на старте и финише длинных дистанций конькобежцы работают руками. Руки дают конькобежцу дополнительную скорость. Их движения сходны с движениями рук при обычной ходьбе. Запомните, что руками не нужно взмахивать высоко, а следует пронести их вблизи колен.

Я рассказал вам только немного, хотя и важное. Как видите, техника даже «простого катания» оказывается делом сложным, требующим упорства, большого времени, может быть, отнятого от других развлечений.

Бесхарактерный человек может сказать: «А зачем мне все это нужно?! Как уметь, так и хорошо!» Не так судит будущий спортсмен. Занимаясь «простым катанием», он вырабатывает у

себя силу воли, ловкость, выносливость, быстроту, настойчивость. Успехи, может быть, не сразу, но обязательно придут к нему, он несомненно достигнет спортивного мастерства, узнает радость борьбы и победы.

Я люблю конькобежный спорт именно потому, что техника бега на коньках представлялась мне очень сложной. На овладении этой техникой ушли многие годы. Ведь лет тридцать назад многое в технике бега на коньках было еще не выяснено. Мне, как и другим советским спортсменам и тренерам, во многих случаях приходилось долго искать, решая вопрос, что правильно, а что ошибочно.

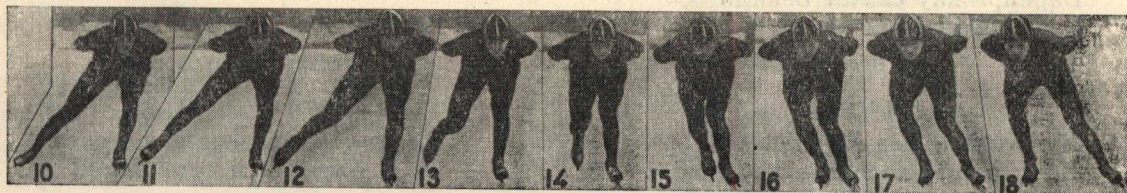
Теперьшние новички не должны повторять наших ошибок, они могут учиться лучшему, самому совершенному стилю, созданному усилиями старшего поколения советских спортсменов. И катков теперь стало больше, и коньки производят на заводах, в то время как раньше их делали многие кустарные мастерские, а стоили коньки очень дорого.

Мой главный дружеский совет: не унывать при первых неудачах, верить, что проделанная работа, проявленное упорство будут обязательно вознаграждены.

Чем раньше вы станете на коньки, тем раньше достигнете и спортивных успехов. Двукратный чемпион мира Лидия Селихова пришла в спортивную школу института физкультуры имени Лесгафта четырнадцатилетней школьницей. Но она уже умела хорошо держаться на льду. В 239-й школе Ленинграда она участвовала в многочисленных соревнованиях между классами.

Я думаю, что юные конькобежцы должны быть не только в каждой пионерской дружине, но и в каждом отряде, звене. Тот, кто никогда не вставал на лед катка, лишил себя большого удовольствия. Тот же, кто овладеет техникой «простого катания», может впоследствии стать замечательным скороходом. Советские конькобежцы завоевали мировую славу — они ждут достойной смены.

Н. Петров, заслуженный мастер спорта СССР.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ведущий
Дед Мороз
Эскимо
Электрический холодильник
Маша
Петя

Снегурочка
Волк
Белка
Зайчата
Медведь
Снежинки

На сцене зимний лес,
в центре стоит елка.

Н. Глейзаров

Ведущий

В шубе алой и в шапке косматой,
Мимо белых осин и берез,
В снежных хлопьях,
Седой,
Бородатый
К нам
На праздник
Идет дед Мороз!

Выходит дед Мороз.

Ведущий

А по тропиночке лесной,
На палке-деревяшке,
Вприпрыжку скачет Эскимо
В серебряной рубашке!

Выбегает эскимо.

Эскимо

Куда идете, дед Мороз?
Кому несете холод?

Рисунки Н. Муратова

Дед Мороз

Был на реке,
Ходил в колхоз,
Сейчас шагаю в город.
А ты куда?
И почему
Сияешь, как трюмо?
Чем ты гордишься, не пойму,
Дружище Эскимо?

Эскимо

Ах, дед Мороз!
Хоть вы зимой
Хозяин льдов и вьюг,
Но все же пост солидней мой!

Дед Мороз

Ты шутишь, милый друг.

Эскимо

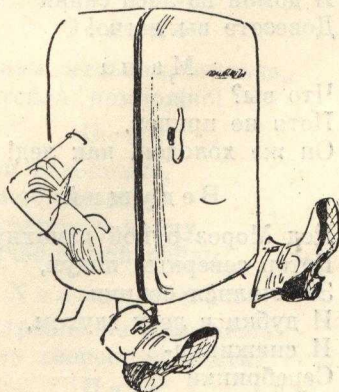
Вы летом, так сказать, ничто,
А я у всех в почете летом!

Да и зимой
Малыш иной
Ест эскимо! При этом,
Сам посинеет на ветру,
А держит палочку во рту!
Коль эскимо так любят дети,
Так я важнее всех на свете!

В е д у щ и й

Вдруг раздался в чаще синей
Хохот металлический,
И явился холодильник
Электрический!

Выходит холодильник.

Х о л о д и л ь н и к

Кто важнее всех на свете,
Милые друзья?
Знают взрослые и дети —
Всех важнее —
Я!
Эскимо на солнце тает,
Молоко в тепле скисает,
Портятся сосиски.
Лед в крошке,
На окошке
Тает летом в миске!
Я ж в любой
Сильнейший зной
За людьми ухаживаю,
Как студеною зимой
Студень замораживаю!

В е д у щ и й

Огорчился дед Мороз,
Сел он у березы,
И дошел бы дед до слез,
Да замерзли слезы!

Д е д М о р о з

Как же так?
А я с утра
Шел на праздник с песнею,
А по вашему поря
Мне идти на пенсию?

Х о л о д и л ь н и к

Что вы, что вы, дорогой!
Вы сильнее нас зимой, —
Всё вам, дедушка, послушно —
Снег,
Узоры на окне,
Для работы вам не нужно
Электричество, как мне!

Д е д М о р о з

Значит, ты да он, да я, —
Растоварищи-друзья?

Э с к и м о

И пройди хоть всю планету
Холодней нигде нас нету!

В е д у щ и й

Дед Мороз захохотал,
Лес хрустальный задрожал,
Закачались осинки,
За шумели ели
И снежинки,
Пелеринки
Белые надели!
Закружились в синем свете,
Точно лебеди в балете!

*На лесной полянке кружатся
в танце легкие снежинки.*

В е д у щ и й

Дед — охотник до кадрили,
В руки взял трехрядку,
Эскимо и Холодильник
Бросились впрысядку.

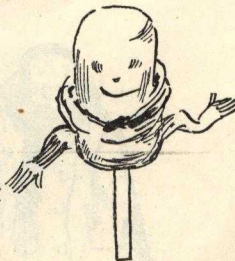
*Эскимо и Холодильник пляшут
и поют частушки.*

Х о л о д и л ь н и к

Эх, эх, ой, да ой!
Вечно свеж и молод,
С белоснежной бородой
Дедушка Главхолд!

Э с к и м о

Ай, ай, рассыпай
Серебро, гармош-
ка,
Холодильник, по-
наддай
Холодку немнож-
ко!

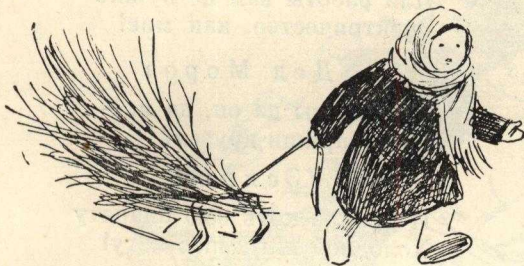

Д е д М о р о з

Эх, раз, еще раз,
Дорогие дети!
Холоднее нету нас
Никого на свете!

Ведущий
Тащит лесом Маша санки
Из яра глухого,
А на санках две вязанки
Хвороста сухого.

Выходит Маша с санками.

Ведущий
Лес темнеет,
Ветер дует
Да метет снегами...
Смотрит Маша, как танцует
Дед Мороз с друзьями.

Дед Мороз
Эх, раз, еще раз,
Дорогие дети,
Холоднее нету нас
Никого на свете!

Маша
Холоднее нету вас
Никого на свете?

Дед Мороз
Да!
Холодильник
Да!
Эскимо
Да!

Маша
А вот у нас
Холодней нет
Пети!

Дед Мороз
Что за Петя? —

Маша
— Братец мой.
Он весь круглый
год, —
Жарким летом и
зимой
Холоден, как лед!
Не пойму, что де-
лать с братцем, —

В школе учится с прохладцей,
Не проводит больного,
Равнодушен ко всему,
Даже словом,
Теплым словом,
Не поможет никому!
Голубкам зимой у сквера
Он не бросит ни зерна,
У него душа наверно
Точно льдина холодна!

Дед Мороз
Тяжелы твои вязанки,
Кликни братца своего,
И домой из леса санки
Довезете вы легко!

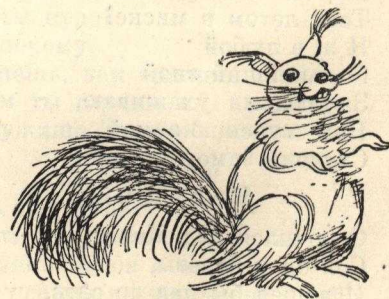
Маша
Что вы?
Петя не придет,
Он же холоден, как лед!

Ведущий
Дед Мороз рукой взмахнул, —
Ветер северный подул,
Закачались осинки
И дубки в лесу глухом,
И снежинки-
Серебрянки
Закружились кругом!

Кружатся снежинки.

Ведущий
Петя к чаю торопился,
Быстро он домой шагал,
Но в пурге с тропинки сбился
И... на сцену к нам попал!

*Из гущи порхающих снежинок
выходит Петя. В руке у него
палка. Выбегает белка.*

Белка
Скок! Скок! Скок!
Запустил леса снежок.
Не найти мне, Петенька,
Для детишек
Шишек,

Дай, орешек, Петенька,
Для моих детишек!

Петя замазывается палкой, белка убегает.

Дед Мороз

Ой, как холодно вдруг стало!

Эскимо

Я дрожу!

Холодильник

И стыну я!

Дед Мороз

Замерзать мне не пристало,
Но и я продрог, друзья!

Эскимо

Дай, нам, мальчик, огонька,
Дай тепла немножко!

Петя

Поищи истопника,
Палка-эскимошка!
Я тропиночку найду
И сейчас домой пойду.

Холодильник

А сестренке не поможешь
К дому хворост подвезти?

Петя

Что пристали?
Ну, а может
Мне с сестрой не по пути?

Дед Мороз

Как он хворост повезет?
Он же холоден, как лед!

Петя

Я?
А вы не холодны?
Вы на холод не бедны!

Дед Мороз

Слушай, Петя!
Я веками
Снег бросаю на поля,
Но под этими снегами
Согревается земля!

Холодильник

Я продукты сохраняю
Самым жарким летним днем!

Эскимо

Я прохладой угощаю
Всех ребят в краю родном!

Дед Мороз

Спорить мы с тобой не будем,
Но полны мы теплоты,

Потому что служим людям
Нашим холодом!

Все хором

А ты?

Петя

Я? Я коротко скажу, —
Никому я не служу,
И ни помощи, ни дружбы
Не прошу ни у кого,
И мне вашего не нужно
Отношенья теплого!
Выбегает волк, он воет и щелкает зубами.

Волк

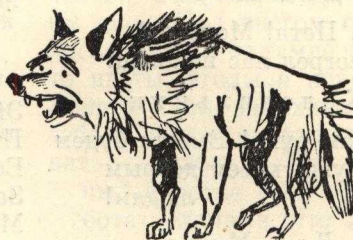
Щелк! Щелк! Щелк!
Я голодный серый волк!
Мне сегодня нужен
Новогодний ужин!
Не желаю есть битков,
Каши и рассольника,
Я сегодня съесть готов
Что-то вроде... школьника!

Петя

Ой, спасите! Ой, спасите!
Помогите! Защитите!

Маша

Я хватаю хворостину,
Да обжору —
В спину! В спину!
Снежинки кружатся вокруг волка.

Волк

Ой! Ой! Что со мной?
Что случилось со спиной?!

Дед Мороз

Эй, снежиночки, летите
Через рощи и леса,
Налетите,
Занесите,
Волку серому глаза!
Снежинки кружатся вокруг волка.

Волк

Ой! Ой! Ой!
Все бело передо мной!

Эскимо

Яогрею серого
Палкой-деревяшкой!

Холодильник

Заморожу серого —
Сделаю ледяшкой!

Волк

Ой! Ой! Ой!
Пропадай, ты ужин мой!

Волк убегает.

Ведущий

Волк-волчище хвост поджал
И в чащэбу побежал.
Петя честно попросил
У друзей прощение,
Горячо благодарил
За свое спасение.
Он сестру поцеловал,
Крепко руки всем пожал,
И в лесу светлее стало
И повеяло теплом!
Снова белка прискакала
И уселась под кустом.

Петя

Белка-белочка, постой,
На орешек золотой!

Петя дает белке орех.

Дед Мороз

Ай, да Петя! Молодец!
Всех согрел нас наконец!

Холодильник

Дай нам руки! Вместе будем
Мы служить всем добрым
людям!

Дед Мороз

Я морозом!

Эскимо

Я прохладой!

Холодильник

Я хорошим холодком!

Дед Мороз

А тебе, Петруша, надо
Стать душевным пареньком!
Должен, Петя, ты сердечным
Согревать людей теплом!

Маша

Этим вечным
Человечьим
Негасимым огоньком!

Петя

Дайте руки! Вместе будем
Мы служить всем добрым
людям!

Дед Мороз

Эй, Снегурочка-дочурка,
Приглашай на бал лесной
Всех зверюшек —
Зайцев юрких,
Мишку бурого с лисой!

Выходит Снегурочка и звери.

Снегурочка

Вот и я пришла, ребята,
К вам на праздник

Песни петь!
И со мной пришли...

Зайцы

Зайчата!

Снегурочка

И со мной пришел...

Медведь

Медведь!

Дед Мороз

Пусть сейчас на ёлке этой,
В серебре ее ветвей,
Засияют ярким светом
Сотни праздничных огней!

*Дед Мороз взмахнул рукой и
на елке вспыхивают огоньки,
все берутся за руки и поют.*

Снегом занесенная,
Густая-прегустая,
Елочка зеленая —
Красавица лесная!
Мы тебя украсили
Флажками и шарами,
Яркими, прекрасными
Цветными огоньками!
Елочка душистая,
Сияй ребятам ясной,
Чистой, лучистой,
Звездою ярко-красной!

*На елке вспыхивает
большая алая звезда.*

Дед Мороз

Развеселым хороводом
Представленье завершим!

Маша

С новым счастьем!

Петя

С Новым годом!

Все вместе

С Новым годом молодым!

Все кружатся в веселом хороводе.

Занавес.

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ: „ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИШУТКИ“

В. Бианки

Настал канун нового года.
Трепал мороз.

Чуть свет старик-колхозник поехал на дровнях в лес — вырубить для сельского клуба красивую ёлку.

Лес был велик и дремуч. Старик все ехал и ехал по нему, пока не заехал чуть не в середину его. Сюда уже никакие звуки не долетали из деревни, даже из радио-громкоговорителя. Тут старик привязал лошадь к дереву, отошел от дороги и выбрал себе подходящую ёлку.

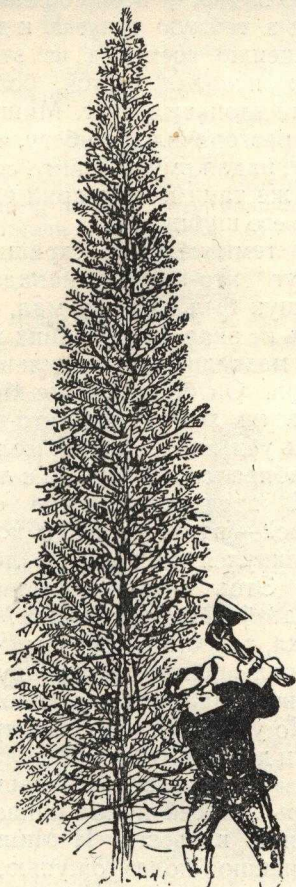
Но только он в первый раз ударил топором по стволу — из под снега бомбой вылетел большой бурый зверь.

Старик с испугу и топор выронил. Что было сил бросился он к лошади, отвязал ее — и был таков.

Так напугала старика медведица. Ее берлога находилась как раз под той елью, которую он облюбовал себе. Внезапно разбуженная громким стуком топора, она выскочила из своего убежища и без памяти умчалась в чащу. Со страху ей показалось, что на нее напали охотники.

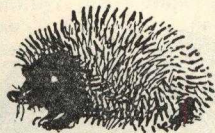
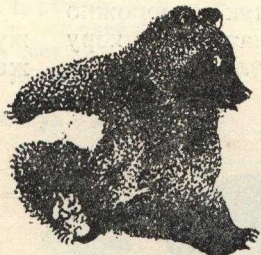
А в берлоге остался ее маленький медвежонок Мишутка. Ему было всего три месяца, он был еще сосунком.

В развороченную медведицей берлогу и проник мороз. Мишук проснулся и тоненько заскулил, захныкал. Ему было холодно и хотелось есть. Мишук завозился и полез из берлоги. Он

искал свою мать, но старой медведицы и след простыл.

Напрасно он ползал на животе туда-сюда, скулил и визжал — мать убежала далеко и не могла его слышать.

Наконец Мишук рассердился, поднялся на четвереньки и сам отправился добывать себе пропитание. Его косяластые, короткие лапки увязали в глубоком снегу, но голод гнал и гнал его вперед.

Рисунки В. Курдова

Вдруг он увидел на пенечке за деревом красивого рыжего зверька с пушистым хвостом. Зверек догрызал зубами длинную еловую шишку.

Белочка очень понравилась Мишуку. Мишук закосолапил к ней, — хотел с ней поиграть. Но зверек испуганно цокнул и стрелой взлетел на дерево.

Мишка потерял его из вида, посидел, покрутил головой, но делать нечего, — побежал дальше.

Скоро увидел он какого-то серого зверька, который хотел скрыться от него под кустами, сердито фыркал и тук-тукал. Мишук настиг его в два скачка и схватил лапой. Но — ай! — серый зверек оказался таким ужасно колючим, что Мишук пронзительно завизжал от боли и побежал дальше на трех лапах.

Долго он бродил по лесу и вот, наконец, сел в изнеможении. Тут пустые кишочки довели его до такого состояния, что он стал скрести когтями снег. Под снегом оказалась земля, а на земле какие-то цветы, ягоды и корешки. Мишук стал запихивать их себе в рот, — оказалось жевать можно. Тут бедный сиротка стал так работать лапами, что животик его раздулся, будто Мишук проглотил целый арбуз.

Закусив, Мишук побежал уже куда веселей. Он не очень-то смотрел себе под ноги и вдруг — бух! — провалился в какую-то яму.

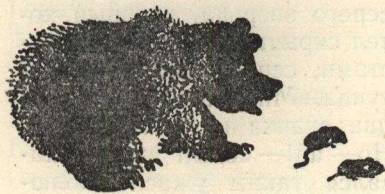
В этой яме под хворостом и снегом зимовали змеи, лягушки и жабы. Хорошо, что Мишук, падая, зацепился задними лапами за какие-то толстые корни и повис над

* Окончание игры. Начало см. в № 3, 4 и 5.

всей этой компанией вниз головой.

Змеи проснулись, подняли головы и страшно зашипели, а лягушки отчаянно заквакали. Страх придал Мишуку силы, он сумел как-то раскачаться на задних лапах, ухватиться передними за толстые корни и поспешно взобрался наверх. Он был так напуган, что долго бежал без оглядки. Остановился только, когда выскочил на какую-то полянку.

Остановился и стал опять копать снег: не найдется ли там, под ним, еще чего вкусненького! На этот раз он раскопал совсем другое: здесь

под снегом жила со своими детками целая маленькая колония лесных полёвок. Крошечные зверьки устроили себе гнезда на нижних ветках кустов, и от теплых гнезд их шел даже парок.

Будь Мишук немножко постарше, он отлично сообразил бы пообедать этими мышатами. Но он был еще глуп и только смотрел с удивлением, как от него разбегаются в разные стороны короткохвостые зверюшки.

День зимний — короткий. Пока Мишутка копался с мышатами, уж и сумерки настали. Мишук спохватился: «А где же мама?» И побегал ее разыскивать. Но как найти ее в большом дремучем лесу?

Бегал Мишук, бегал по

лесу и вот его застала ночь. Непроглядная новогодняя ночь. Ни одной звездочки не было видно, — все небо закутано в темную тучу. И к довершению всех бед из этой тучи повалил густой, большими хлопьями, снег. Мишук так разгорячился на бегу, что снег, падая ему на спину, сейчас же таял и вымокрил ему всю его шубку.

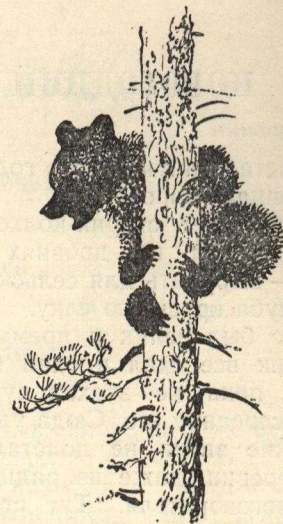
В темноте было страшно: вдруг кто-нибудь нападет! Мишук был еще так мал, он ведь не знал, что в наших лесах медведи — самые сильные звери. Он боялся даже хныкать на ходу: вдруг кто-нибудь услышит? Бежал молча и забирался все глубже в лес.

И представьте себе его ужас! — вдруг со всего ходу столкнулся он с кем-то лбами! Этот «кто-то» был гораздо больше и тяжелее Мишука, так что несчастный отскочил далеко в сторону и больно ударился о дерево.

Но у Мишука не было времени даже потерять ушибленное место: ведь большой зверь мог сейчас же напасть на него и съесть. И Мишук поспешно полез ощупью, в темноте на дерево.

И слышит: большой, грузный зверь крадется к нему. Он так тяжел, что у него под лапищами нет-нет да треснет сук...

Тяжелые шаги все ближе, ближе... Мишук, судорожно вцепившись лапами в кору дерева, обернулся назад, по-

смотрел вниз, в темноту...

На его счастье как-раз тут из темной тучи сверкнула молния и на миг осветила весь лес. Но и этого было достаточно, чтобы Мишук увидел, кто под ним.

— Мама! — крикнул он во весь голос, — и кубарем скатился с дерева.

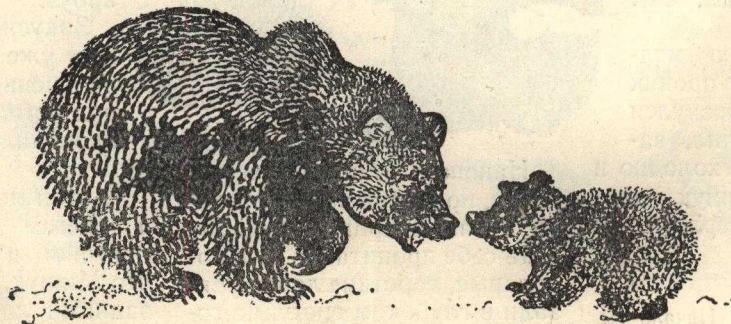
И правда, это была медведица — его мать. Она тоже не разобрала, с кем столкнулась в темноте, и не узнала сына.

Вот обрадовались они друг другу!

И как-раз в эту минуту раздался бой часов московских курантов — и весь лес наполнился торжественным звоном. Било полночь — настал Новый год.

Закурлыкали на болоте журавли, запели в небе жаворонки, — и счастливые мать с сыном крепко обнялись.

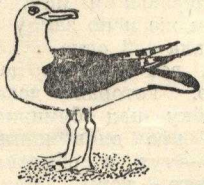
Все кончилось хорошо, как и всегда все хорошо кончается в новогодних рассказах, даже если эти рассказы про дремучий лес.

РАЗЪЯСНЕНИЯ КИТА ВЕЛИКАНОВА

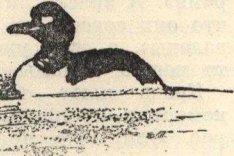
ДЕСЯТЬ МОИХ НАБЛЮДЕНИЙ

Первые два мои наблюдения совершенно правильные. Большие белые чайки с совершенно черными крыльями нередко залетают к нам на Неву с Атлантического океана, с Балтийского моря. Называются они клуши.

Если вы сумели назвать их, вам полагается 2 очка.

Весной над Ленинградом пролетают на север морские нырки. Многие из них, вырвав, гребуг под водой крыльями, как руками. Если вы это знали, вам тоже 2 очка.

А вот насчет черных лебедей, — простите! — врака. Черные лебеди у нас не бывают. Они водятся в Австралии и к нам никогда не прилетают. Но я не просто так выдумал их. Дело в том, что наши охотники частенько рассказывают, что видели черных лебедей, — вот только никогда их не убивали. Объясняется это тем, что всякая птица, когда на нее смотришь против солнца, кажется черной. У нас под Ленинградом часто присаживаются на отдых и лебедь-кликун, и чуть поменьше его ростом — малый лебедь. Но оба они белые. Бывает: летит на тебя чайка — ну, совершенно черная! Бах в нее! Поднимешь,

а она самая обыкновенная — белая, только кончики крыльев черные. Так вот, если вы скажете: «Черные лебеди только в Австралии», то вам 1 очко.

Если совсем не заметите враки, — ничего не заработаете. А если сумеете объяснить, почему иногда лебеди кажутся черными, то можете себе записать ещё 1 очко.

Есть такое старинное поверье, будто крупные, сильные птицы во время больших, утомительных перелетов «из-за моря» пускают маленьких птиц отдыхать на себе и привозят их к нам на себе. Но это, конечно, легенда, — такого никогда не бывает. Это только маленький Нильс в известной сказке Сельмы Лагерлёф или Иванушки в русских сказках летали на гусах. Стыдно юннату разделять такие предразсудки! Такого рода пассажирского сообщения птицы не знают — 2 очка.

Липы цветут не весной, а в середине лета. Если вы это вспомнили, то можете записать себе — 2 очка.

Черных цветов не бывает — это врака. Уличил ее — 2 очка.

А вот барашки вправду весной поют хвостиками!

Речь идет про небесных барашков, — так у нас в деревнях называют бекасов — куликов длинноносых. Весной они поднимаются в воздух и, бросаясь

оттуда головой вниз, дребезжат хвостом и

крылышками. Получается что-то вроде блякания. Это — весенняя игра бекасов — ток. Кто догадался, что речь идет о небесных барашках, то ему полагается 2 очка.

Разве есть такие птицы, что свой белоснежный зимний наряд к лету меняют, как заяц-беляк, ну хоть не на серый, а на какой-нибудь пестрый, не такой заметный летом? Да, есть у нас одна такая птица — белая куропатка. Зимой она белая

как снег, а летом — пегая, что хорошо помогает ей скрываться в лесу на моховых болотах, где она живет. Кто это знает, тому — 2 очка.

Летучие мыши в полдень не летают — врака! — 2 очка.

На самом деле есть такие ранневесенние грибы — и съедобные, вкусные! Называются — строчки или сморчки. Знаете — получайте 2 очка.

РАССКАЗ УДИЛЬЩИКА

Стрижи в обрывах не живут, это — береговушки, ласточки береговые — совсем другие птицы. Стрижи гнездятся под крышами высоких зданий, на колокольнях и на церквях, в горах — на скалах, но никогда в песчаных обрывах — 2 очка.

Во времена дедушки Крылова в некоторых областях (или, как тогда говорили, губерниях) «стрекозами» называли кузнечиков (кобылок, скачков): стре-

кочет — значит стрекоза. Мой удильщик совсем, выходит, не понимал басню дедушки Крылова, если думает, что муравей разговаривал с тоненькой стрекозой-стрелкой. Ведь муравей упрекает стреко-

зу за то, что она «лето целое пропела»:

«Ты все пела? —

Это дело!

Так поди же попляши!»

«Поют», то есть стрекочут, — кузнечики. Стрекозы этим не занимаются. Значит, муравей разговаривал с кузнечиком, а совсем не со стрекозой — 2 очка.

Чайки на пнях. Думаете — враки? Как бы не так! Тут штука хитрая: чайки там не только лежали на пнях, а у них гнезда были на пнях, чайки на них яйца парили! А получилось это вот как.

Низкий берег озера, где всегда гнездятся чайки, этой весной залило водой, из воды торчали только верхушки пней. А чайкам уже пришло время гнездиться. Делать нечего, пришлось траву натаскать на пни. Это были черноголовые хохотуны, они для гнезд себе траву принесли, чтобы сесть на эти пни птенцов высидеть. Скоро вода спала, а чайкам куда деваться? — сидят. Яйца парят на пнях, вниз с удивлением поглядывают: «Как это мы, чаечки-сестрицы, на такую высоту забрались?» — 2 очка.

Чайки на маковках высоких елей? Да, да! На самых пальчиках. И как там они устраиваются со своими перепонками — прямо уди-

вительно! Помахает, помахает крыльями, — видно, что колет им лапки! — и сядет потихоньку. Сядет и сидит, любитесь окрестностями... А если не верите, то прочтите у Мензбира, что кое-где на севере чайки не только сидят на елях — это-то я сам не раз видел! — а даже яйца откладывают и высиживают их в старых вороньих гнездах на елях и соснах! Во! — 2 очка.

А чаечка черная, точнее, темно-серого, очень красивого дымчатого цвета, существует на самом деле, хоть против солнца ее смотри, хоть по солнцу — никакого оптического обмана. Называется — болотная черная крачка — 2 очка.

А вот уж насчет того, чтобы бобер на червя взял, — чепуха, чепуха — это просто враки!

Бобры, как всем известно, грызуны, и ни на какого червя ползти не могут, хоть ты его медом зего обмажь! Но если кто скажет: «Во-первых, бобер на червя не берет, а, во-вторых, они в Ленинградской области уж лет, верно, больше полтыщи не водятся», — тому поставить 1 очко, потому что мало ли что не водилось, а теперь водятся: недавно развели у нас. И надо это знать.

Насчет того, будто рыба, когда с крючка сорвется, другим всем рыбам разболтает, чтобы к удочке не приближались, — об этом даже говорить неохота, тошно прямо. Стыдно тем, кто таким детским сказкам верит! — 2 очка.

Чудеса с буренькими птешками в двух словах, пожалуй, даже и не объяснишь. Дело в том, что мой рыболов удил на берегу того озера, где в то лето работал и ставил свои опыты кружок юннатов. Они осторожненько пе-

рекладывали яички одних птиц к другим.

Буренькие птички оказались удивительно любвеобильными: они принимали яички всевозможных окрасок и самоотверженно защищали всех — своих и чужих птенчиков.

Мой рыболов случайно приблизился именно к тем гнездам, над которыми производили свои опыты юннаты. Обе птички так привыкли к людям, что совсем перестали бояться их: убедились, что никто их не трогает. Та, что еще сидела на яйцах, даже не сходила с гнезда, пока пальцем ее не «попросишь» — 2 очка.

Та, у которой вывелись уже птенчики, смело вылетела навстречу людям и старалась уцепить их за руки — 2 очка. А ведь если не знать про наших юннатов, то ни за что этому не поверишь, — правда?

Ну, а насчет кукушки рыболов мой совсем запортовался. Ведь это кук-самец кричит во все горло: — Ку-ку! Ку-ку! Это он самке знать дает: я тут! я тут! Что ж над его-то криком слезы проливать? Да и самочку жалеть нечего: сама по чужим гнездам яички свои подкинет, а потом и хохочет; ее крик очень похож на тоненький дерзкий смех — так: «Хи-хихи-хи-хи-хи-хи!» Мой рыболов и не знает, как она кричит — 2 очка.

У НОСТЕРКА

Про галагаза-утку это полуправда, полуврака. Есть там на самом деле такая большая утка — пеганка по-крымски — галагаз, что в лисьих норах птенцов выводит. Ну, а насчет того, чтобы душить да съедать этих хищников, — чепуха, разумеется! Дед Евсей скорей всего видел остатки волчьего

обеда. Волк лисаньку настиг у ее норы да разорвал, а старик репил — утка ее съела — 1 очко.

А вот дед Иван ни чуточки даже не прибавил: так оно все и было, как он рассказывал. Мальчик этот, Витька-то, королька — самую махонькую у нас птешку — выстрелом оглоушил. Тот — брык! И как мертвый. А потом веселый был, хоть бы что! — 2 очка.

И с медведями такое бывает. Вот как ужасно вредно так неожиданно пугать человека. То есть не человека здесь, а медведя. Но все равно — и человека нельзя так пугать. Тоже может разрыв сердца случиться, как у зверя — 2 очка.

Белые куропатки... Случай этот напоминает, правда, барона Мюнхгаузена: как он выстрелил в куропаток шомполом и насадил на него чуть не десяток птиц. Но если вспомнить, как тесно держится выводок куропаток и, если учесть, что дед Иван стрелял дробью, — а в дробовом заряде сто и больше дробин, — то ничего такого удивительного в его выстреле не окажется. Вполне возможный случай — 2 очка.

И с ястребом — факт. Выстрел был в спину тетереятнику, и когда он упал мертвый, только тут и обнаружил дед Иван, что добыл разом и хищника и его жертву — 2 очка.

Случай с майором, как он вместо фазана застрелил камышового кота, — тоже не диво. Гляди, куда стреляешь,

а то и человека случайно убить можешь — 2 очка.

Про слепую гончую деда Ивана — истинная правда. Дело-то ведь простое: когда гончая гонит зверя, она и зрячая его не видит, — по следу находит — носом. Старая гончая потеряла глаза, но сохранила свое великодушное чутье. Чутьем понимала, что перед ней, — и потому и не разбивалась о деревья и пни, чутьем же и по зайцу работала — 2 очка.

А вот уж про легавую, которая делала стойку над бумажкой, где про дичь написано, — тут и объяснять нечего — ложь махровая! Еще бы слова стали собаки чутый! — 2 очка.

В самом конце дед Иван попался на неправде — как раз там, где сам не ожидал и где вы, дорогие читатели, тоже, пожалуй, не заработаете себе очков.

Дед Иван назвал кусащих комаров «кавалерами». А знаете ли вы, что они совсем не «кавалеры», а если уж на то пошло — «дамы»?

Кровь пьют только комарики, самки комаров. Они пока не напьются крови, и деток привести не могут — яички свои отложить. А «кавалеры»-комары, то есть самцы, никого не трогают, они питаются цветочным соком — 2 очка.

Это — раз. А второе — дед Иван сказал: «Чуют мухи, что им недолго гулять осталось, — вот и стали злые: хуже комаров жигают». Имяные так считают, что это мухи перед смертью кусаться начинают. А на самом деле это совсем другие мухи. Те, простые комнатные мухи, — такие черноватенькие, а эти мухи — жигалки — серые и с прямым жалцем. Немножко повнимательнее присмотреться, сразу научишься различать — 2 очка.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИШУТКИ

Ну, уж вот на этом рассказе, Вы, дорогие читатели, кучу очков заработаете! Известно: от новогоднего рассказа много правды не требуется, — был бы сердечным и с хорошим концом.

Начинается рассказ с самой простой враки: ведь медведята в берлогах у медведей рождаются только в конце января — в начале февраля. Как же в канун Нового Года Мишуку могло быть целых три месяца? Ясно, что автор рассказа его — героя своего рассказа — трехмесячного медвежонка — из пальца, что называется, высолал — 2 очка.

Второе. Белочку встретить в лесу Мишук, мог, конечно. Но разве бел-

ки зимой бывают рыжие? Все знают, что серые они зимой — 2 очка.

Третье. Еж разве разгуливает по лесу среди зимы? Нет, он спит себе в своем травяном гнезде где-нибудь в ямке между корней — 2 очка.

Четвертое. Мишук разрывает снег и находит под ним на земле цветы и ягоды. Вот правда: под снегом у нас довольно много вечнозеленых растений, есть даже цветы, и всю зиму, до весны, сохраняются некоторые ягоды: клюква, брусника — 2 очка.

Пятое. Мишук провалился в яму, где зимуют змеи, лягушки и жабы. Во-первых, эти пресмыкающиеся и земноводные никогда такой неподходящей компанией не собираются зимовать;

во-вторых, зимой они так замерзают, что ни шипеть, ни квакать не могут — 2 очка.

Шестое. Что полёвки живут в гнёздах на кустах, покрытых снегом, и даже выводят среди зимы детёнышей, — это верно. Не верите, — прочтите работу профессора А. Н. Формозова «Снежный покров». Я и сам раньше не знал про это.

Седьмое. Столкнуться в темноте нос к носу и не узнать друг друга для медведей было бы невозможно: ведь они узнают друг друга не глазами, а носами. Вспомните слепую гончую деда Ивана из рассказа «У костерка». Узнавала же она носом не только, куда убежал заяц, но даже деревья и пни на своем пути чуяла — 2 очка.

Восьмое. Гм! Гм! Молнии из снежной тучи?! Ого! — 2 очка.

Девятое. Как же вдруг «раздался бой московских курантов», когда в самом начале рассказа было сказано: «сюда уж не долетали никакие звуки из деревни, даже радио», — так далеко в лесу это было. Кто заметил это, значит, внимательно читал или слушал этот рассказ — 2 очка.

И десятое: зимой не курлыкают журавли на болоте и не поют жаворонки в небе — по той простой причине, что их нет у нас: они — птицы перелётные и зиму проводят на далеком юге — 2 очка.

Кит Великанов.
(Он же Тит Малышкин).

КАК СМАЗЫВАТЬ ЛЫЖИ

Успех лыжных тренировок и соревнований во многом зависит от умения хорошо подготовить и смазать лыжи.

Смазка лыж — дело довольно хитрое. Оно требует хорошей смекалки и большого опыта.

Прежде всего лыжи нужно просмолить. Просмолка служит хорошим грунтом и предохраняет лыжи от износа, от набухания в мокрую погоду. Просмолку лыж производят горячей древесной смолой или жидкой лыжной мазью, предназначенной на оттепель. Для этого лыжи очищают от мази, нагревают и тряпкой наносят горячую смолу на ходовую поверхность. После этого лыжи ставят в распорки и дают им отстояться день, два.

Теперь нужно правильно подобрать мазь. Лыжная мазь должна не только улучшать скольжение, но и устранять отдачу (проскальзывание назад). Лыжные мази выпускаются у нас различными фабриками по номерам. Каждый номер предназначается для особого состояния снега и температуры. Об этом написано на каждой баночке. Надо внимательно про-

честь указания и подобрать мазь по состоянию погоды и снега.

Смазку лыж нужно производить в помещении или в закрытом от ветра и снега месте. Мазь наносится на сухую лыжу тонким ровным слоем и растирается по всей поверхности пробкой или ладонью до блеска. После смазки лыжи нужно остужать в течение 10—15 минут на открытом воздухе.

Для того чтобы проверить, правильно ли подобрана мазь, остуженную лыжу кладут на чистый снег и надавливают на нее, — на ходовой поверхности лыжи должен остаться ровный слой снега (значит, не будет отдачи). Затем, когда лыжу заставят скользнуть, снег должен легко сойти и смазанная поверхность стать чистой (значит, не будет «подлипа»).

После этого лыжи нужно еще обкатать и проверить на лыжне в течение 5—10 минут. Если обнаружится, что они все еще проскальзывают, то под грузовую площадку лыжи нужно нанести тонкий слой мази, устраняющий отдачу (обычно — мази, предназначенной для более теплой пого-

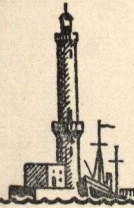
ды). Наоборот, если лыжи будут плохо скользить («тупить»), то наносят очень тонким слоем мазь для скольжения.

На лыжную тренировку или прогулку с собой нужно всегда брать одну-две баночки мази других номеров (на случай перемены погоды), пробку и скребочек или перочинный ножик, чтобы снять старую мазь.

Умение подбирать мази и хорошо смазать лыжи вырабатывается лишь длительной и упорной практикой. Поэтому каждый лыжник должен запомнить, или лучше записывать после каждой тренировки, какая была погода и снег, какая мазь применялась и каково было скольжение.

Для слалома и прыжков смазка должна обеспечить только скольжение. Поэтому здесь применяют лыжные лаки и парафин. В качестве грунта слаломные лыжи можно покрывать клеем БФ-2, который продается в хозяйственных магазинах. Покрывать клеем нужно совершенно чистую ходовую поверхность лыж, затем, прогрев ее над плитой, дать клею окрепнуть в течение 2—3 дней.

В. Воронов, заслуженный мастер спорта СССР.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

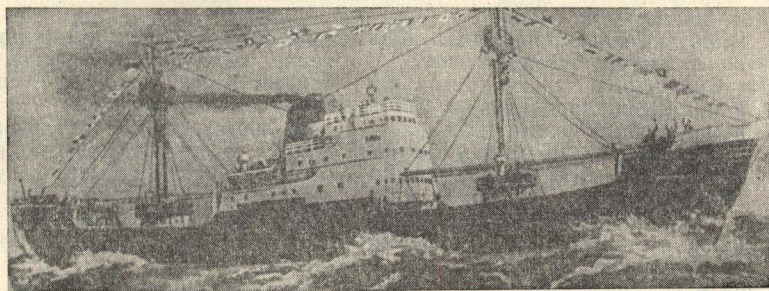
ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
„КОСТЕР“
№ 6

ПОДАРОК НЕМЕЦКИХ ПИОНЕРОВ

Много веков бороздят моря и океаны корабли различных стран. Но никогда ни один корабль не был построен детьми.

Да и как могут дети построить корабль? Ведь они не могут работать на верфях ни плотниками, ни сварщиками, у них нет знаний и опыта, необходимого судостроителям.

Но если нельзя самим построить настоящий большой корабль, то можно собрать все необходимое для его постройки.

Так и поступили пионеры ГДР. Они начали собирать средства на постройку корабля: лом черных и цветных металлов, стекло.

Всего этого требовалось немало. Ведь предстояло построить корабль длиной в 102 метра, шириной 14,4 метра. В его просторных трюмах должен был разместиться груз четырех товарных поездов по 50 вагонов в каждом.

Следовало собрать 2800 тонн железного лома, а для иллюминаторов, изоляции — 20 центнеров стекла, то есть 100 000 бутылок. Требовалось еще дере-

во, листовое железо, цинк и многое другое.

Все эти материалы собрали пионеры. Не забыли они и о тех, кто будет плавать на нем.

В одних пионерских отрядах стали разводить ангорских кроликов, чтобы из теплых пушистых шкурок сшить меховые жилеты для команды. В других отрядах вязали шерстяные шапки и свитера, в некоторых — выращивали лен, который пойдет на изготовление белья для моряков.

Упорная работа немецких пионеров дала свои плоды. Вскоре под умелыми руками работников судостроительной верфи „Нептун“ в Варнемюнде (ГДР) вырос могучий корпус красавца-корабля. Его называли „Пионер-Тельмановец“. Недавно корабль — подарок немецких пионеров — спустили на воду.

Много тысяч людей присутствовало при рождении нового корабля: рабочие, закончившие постройку его корпуса в рекордно короткие сроки, гости — пионеры Чехословакии, Монголии, Советского Союза, Франции, Албании, Венгрии.

Все они поздравляли пионеров организации имени Э. Тельмана, инициаторов постройки замечательного корабля.

И вот наступил торжественный момент. Канаты, удерживавшие корабль на берегу, обрублены, и его могучий стальной корпус с нарастающей скоростью скользит в воды реки Варно.

Отличный подарок сделали родине и своему торговому флоту немецкие пионеры.

Е. Шубин

В МАЛАККСКОМ ПРОЛИВЕ

Суматра, Ява, Борнео, Целебес... Кому из школьников не известны названия этих островов, омываемых водами Индийского и Тихого океанов? На них и на многих более мелких островах расположена республика Индонезия.

Недавно от одного такого островка отошел небольшой индонезийский парусный бот. Он направился в Сингапур с грузом коппы — так называют ядро кокосового ореха, из которого изготавливается кокосовое масло. В Малаккском проливе неожиданно налетел сильный шквал и перевернул утлое суденышко.

В это время в полумиле от места катастрофы проходил советский пароход „Иркутск“.

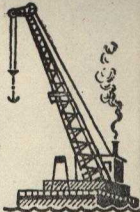
„Спаси терпящих бедствие!“ — решили советские моряки. По сигналу водяной тревоги с борта „Иркутска“ спустили спасательную шлюпку. В нее сели штурман Жданов и четверо матросов. Грести было трудно. Порывистый ветер сбивал шлюпку с курса, тропический ливень заливал ее. Огромные волны швыряли ее, как скорлупку.

Выбываясь из сил, отважные моряки спешили на помощь к утопающим. На „Иркутске“ с тревогой следили за этой борьбой горстки людей с разбушевавшейся стихией. Но мужество советских моряков победило, и индонезийцы были спасены.

Советские моряки подняли поврежденный бот на палубу „Иркутска“ и доставили его в Сингапур, а сами, приняв груз в порту, продолжили свой путь. Их провожали преданные друзья — спасенные индонезийские моряки.

С. Шмелев.

Что происходит на этой фотографии — понять не трудно.

В знойный тропический день моряки парохода нашли прохладу на палубе в бассейне, устроенном из обыкновенного брезента.

Они не могут купаться в открытом море. Не останавливать же для этого пароход! Кроме того, в море водятся много хищных рыб.

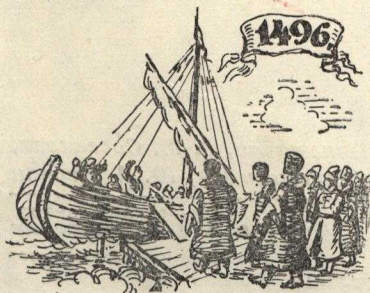
Уже первые русские мореходы, которые водили корабли в тропиках, старались облегчить команде плавание в южных широтах.

В 1806 году закончилось первое русское кругосветное плавание под командой знаменитого адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна. В своей интересной книге „Кругосветное плавание“ он писал:

„Частые дожди, в продолжение коих запасались мы на 14 дней пресной водой, доставили им (матросам) случай переменить свое белье, для чего и распушен был тент между грот и фок-мачтами. Распушенный тент с накопившейся водою представлял маленькое озеро, в коем около 20 человек вдруг, вымыв белье и платье, купались сами и омывали друг друга... Хотя термометр редко показывал ниже 23 градусов, однако многие из них спрашивали часто: когда же настанет великий жар? Из сего заключить надобно, что для россиян нет чрезмерной крайности. Они столько же удобно переносят холод 23 градуса сколько и жар равностепенный.“

460 лет тому назад,

**350 лет
тому назад,**

в 1496 году посол Москвы Григорий Истома совершил плавание из Северной Двины в Норвегию.

в 1606 году два испанских корабля под командованием Торреса впервые прошли из Тихого океана в Индийский.

Их путь лежал через пролив, пожалуй, самый опасный в мире из-за множества коралловых рифов.

Впоследствии этот пролив, разделяющий остров Новую Гвинею и Австралию, назвали Торресовым проливом.

А. П.

П. Гусаров.

ПРИЛИПАЛА

Недавно команда советского танкера „Серго“, следуя Аравийским морем, устроила охоту на акул, сопровождавших судно с обоих бортов.

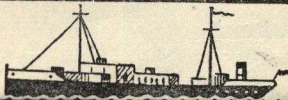
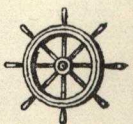
Крючком служил изогнутый и заточенный кусок стального прута. На него наживили приманку — кусок мяса.

С помощью такой „удочки“ команда судна выловила и подняла на палубу одиннадцать акул. На туловище одной такой морской хищницы, достигавшей длины свыше двух метров, нашли трех присосавшихся рыб — прилипал.

Прилипалы — обитатели всех теплых морей и океанов. Туловище у прилипал веретенообразное, длина от полуметра до метра, на сплюсненной голове находится продолговатая эластичная присоска, с помощью которой они присасываются, как бы „прилипают“ к днищам кораблей. Присосавшаяся прилипала вместе с судном перемещается на большие расстояния, меняя свое „местожительство“ в поисках обильной и более лакомой пищи. Нередко прилипала прикрепляется к китам и черепахам.

Питаются прилипалы обычно мелкой рыбой и на время охоты покидают свое пристанище на днище корабля или под брюхом акулы. Не брезгают и остатками от добычи самих акул.

Жители океанических островов остроумно используют прилипал для добычи крупных черепах и рыбной ловли. Поступают так. К хвосту пойманной прилипалы прикрепляют тонкий трос или шнур и потом забрасывают рыбу в море. Затем вытягивают на борт судна и приманку и добычу. До следующей охоты прилипал держат в бочке или в яме, наполненной водой, и слегка подкармливают их.

Итак, «Мечта» улетела, а куда — неизвестно. Наши читатели, конечно, больше всего интересуется, что стало с Колей и его верным другом щенком Фотографом.

Однако пока никаких известий о них нет, и редакция ничего не может сообщить об их судьбе.

Сейчас усиленно идут поиски пропавших, и мы надеемся в начале будущего года обрадовать читателей новыми подробностями этого необыкновенного происшествия в «Клубе смелых изобретателей и отважных ребят».

СОДЕРЖАНИЕ

Сосна. Стихи Н. Поляковой. Рисунок В. Фомина	1
История с колодезцем. Г. Холопов. Рисунки В. Чижкова	2
Сочинитель. Из «Рассказов о себе» Н. Тихонов. Рисунок М. Таранова	5
Стихи эстонских поэтов. Рисунки Н. Зверева	7
Михель мой спешит домой. Ральф Парве. Перевел К. Высоковский	8
Брюки. Феликс Котта. Перевел Б. Тимофеев	8
Кошки и мыши. Хелье Мянд. Перевел Б. Кежун	9
По Египту. Очерк Б. Б. Пиотровского. Рис. Б. Сапсжника	13
Волховской ГЭС — тридцать лет. Н. Елисеева	14
Алуш-Крылатая нога. Рассказ Нияса Меджидова. Рисунки в тексте и на вклейке Л. Подляской	17
Елка. Рассказ Льва Горина. Рисунок в тексте и на вклейке В. Юсипенко	20
Как делают погоду. Очерк М. Данини	22
Тайны реставрации. К. Шнейдер	25
Конурки. Рассказ Эдуарда Шима. Рис. А. Костровой	29
Загадка Рудника Зеленого Дракона. Рисунок В. Фомина	32
Замечательные сооружения. И. Григорьева. Наклейка цветная фотография «Ворота в Санчи»	33
«На лыжи!». Рисунок А. Пахомова	34
Места, которые нельзя забыть. Пионерская эстафета	36
Будущим скороходам. Засл. мастер спорта СССР Н. Петров	41
Теплый дед Мороз и холодный Петя. Пьеса Н. Глейзарова. Рисунки Н. Муратова	45
Нит Великанов. (Окончание). В. Бианки. Рисунки В. Курдова	46
Как смазывать лыжи. Засл. мастер спорта СССР В. Воронов	
Морская газета № 6	
На 1-й стр. обложки рисунок В. Курдова «Приключение Мишутки»	
На 2-й стр. обложки фото И. Фетисова «Волховской ГЭС XXX лет»	
На 3-й стр. обложки фото «Ленинград. Площадь Декабристов»	
На 4-й стр. обложки рисунок из китайского журнала «Маленький друг»	

Редактор Н. Ф. Григорьев

Редакционная коллегия: В. М. Конашев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Г. М. Сосенкова, В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Е. Л. Шварц, Е. М. Шереметьева, Ю. А. Эшман

Художник-редактор
Ю. П. Мезеринский

Ответственный секретарь
Н. В. Теребинская

Техический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. Г. Любичка

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. Ж 3-13-63, комм. Ж 3-72-11 и Ж 3-72-12.

М-42631. Подписано к печати 26/XI 1956 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 6+2 вкл. усл., 5,134, уч. изд. 6,6.

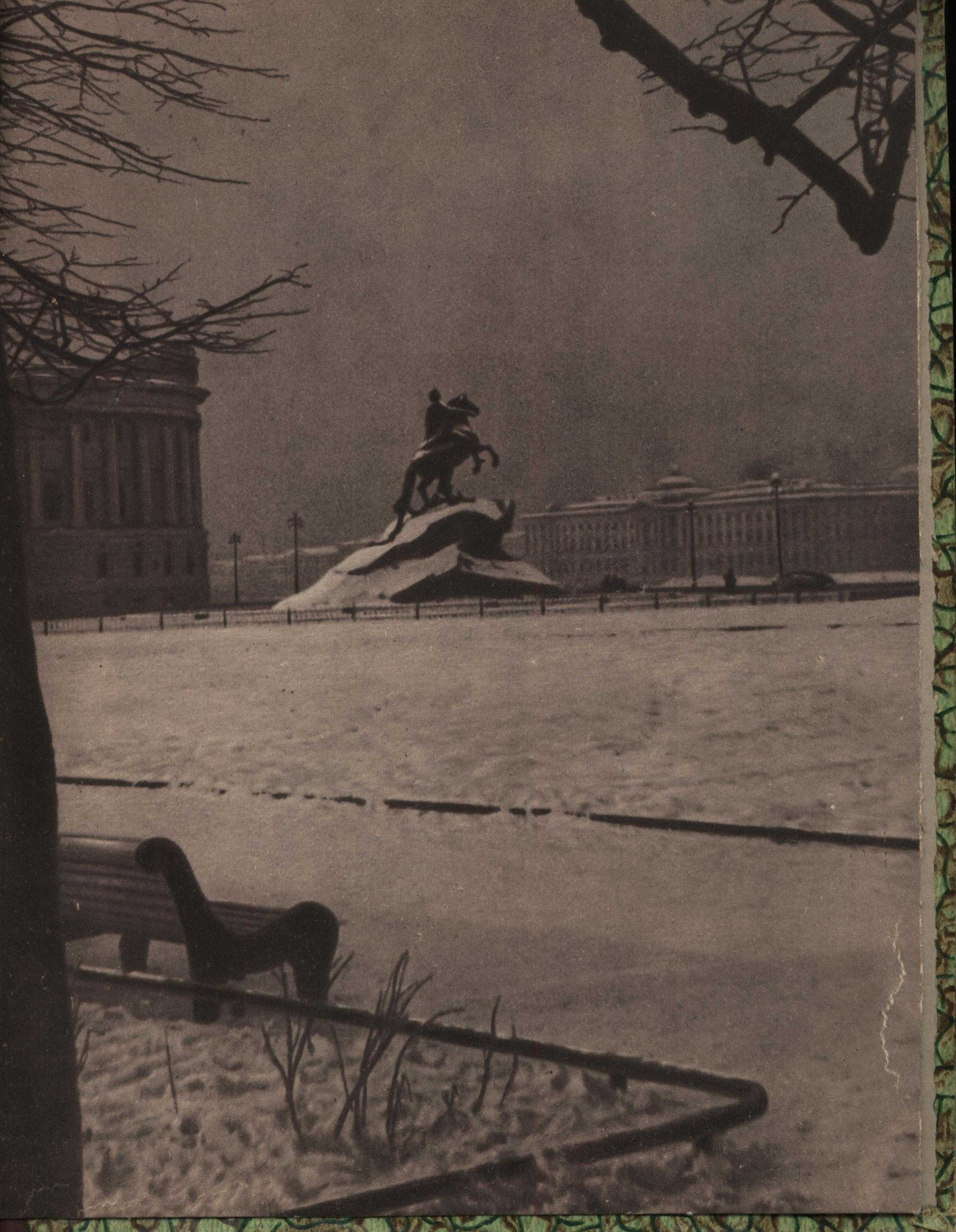
Тираж 100 000 экз.

Заказ 1490.

Цена 2 р. 50 к.

4-я типография им. Евг. Соколовой. Ленинград, Измайловский пр., 29.

Обложка и вклейка отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

Эти картинки были помещены в 1956 году в китайском школьном журнале „Сяо Нэнью“, что в переводе значит „Маленький друг“.
Заголовок, написанный иероглифами, означает: „Книги не любят, когда ты делаешь так“.